

84(2=411.2)

К206

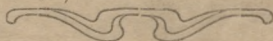
СОВѢТЪ
ЕКАТЕРИНЪ. ОКРУЖНЫХЪ КООПЕРАТИВНЫХЪ
СЪѢЗДОВЪ.

Библиотека Уральскихъ Писателей.

Л. М. Каптеревъ.

Островокъ.

(Изъ жизни Уральскихъ Старообрядцевъ).

М 161433 - ко

ЕКАТЕРИНБУРГЪ.

Электро-Типогр. Централ. Союза Коопер. Союзовъ.

1919 г.

Эп

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

28/VII-65г.

С
ггг

8/1-32-34

Колич. предыд. выдач _____

Тип. «У. Р.». Зак № 12562

84(2-44.2)
К 200

СОВѢТЬ
ЕКАТЕРИНЪ. ОКРУЖНЫХЪ КООПЕРАТИВНЫХЪ
СЪѢЗДОВЪ.

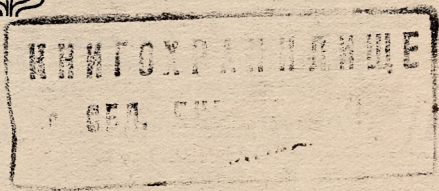
Библіотека Уральскихъ Писателей

Л. М. Каптеревъ.

0

Островокъ.

(Изъ жизни Уральскихъ Старообрядцевъ).

1939 г. 1614337

Р-3(чтурач)

Издательство

Совѣта Екатеринбургскихъ Окружныхъ Кооператив. Съѣздовъ.

В. Е. Ландсбергъ. Въ защиту коопераціи. (О „націонализациі“ коопераціи) Ц. 50 к.

П. И. Злоказовъ. Кооперация и текущій моментъ. Ц. 40 к.

А. И. Серебrenниковъ. Кооператоры, просвѣщайте народъ. (Руководство къ веденію культурно-просвѣт. работы на мѣстахъ) Ц. 75 к.

С. А. Груздевъ. Торговый договоръ съ Германіей 1918 г. Ц. 90 к.

М. П. Пузыревъ. Заразные болѣзни у животныхъ.—Выборъ молочной коровы. Ц. 70 к.

Л. М. Каптеревъ. Къ новой жизни. (О новыхъ формахъ веденія сельск. хозяйства). Ц. 1 р. 25 к.

Календарь Записная Книжка. Уральскаго Кооператора на 1919 г. Ц. 3 р. 75 к.

О порядкѣ перехода кооперативовъ на новый уставъ. Ц. 40 к.

О порядкѣ регистраціи культурно-просвѣт. обществъ. Ц. 30 к.

И. А. Панинъ. Настоящее для будущаго. (Изданіе 2-ое, испр. и дополн.). Ц. 1 р. 80 к.

„Библіотека Уральскихъ писателей“:

И. ф. Кусовъ. Тернистый путь (Оценки изъ сел. коопер. жизни въ 3 дѣйств.). Ц. 2 р. 10 к.

Л. М. Каптеревъ. „Островокъ“. (Изъ жизни Уральск. старооб.). Ц.

Печатаются:

Труды I Областнаго Съѣзда представит. Уральскихъ Кооп. Съѣздовъ 30 X—4 XI 1918 г.

А. В. Воробьевъ, А. Н. Золотавинъ, Г. Г. Рубергъ, и С. И. Бѣлогорскій, Матеріалы по кооперативной статистикѣ Зауралья.

Примѣрный уставъ культурно-просвѣтительнаго кружка.

Готовятся къ печати:

И. А. Панинъ, Союзное Кооперативное строительство въ Пермскомъ Краѣ.

М. И. Пузыревъ, Колики лошадей.

Его-же. Какъ выращивать телятъ на племя.—Болѣзни телятъ.

В. Е. Ландсбергъ, Долой карликовъ! (О многоявочныхъ кооперативахъ).

Л. М. Хандроссъ, Какъ уберечь пчелъ отъ заболѣваній (Гигіена ичеловожденія).

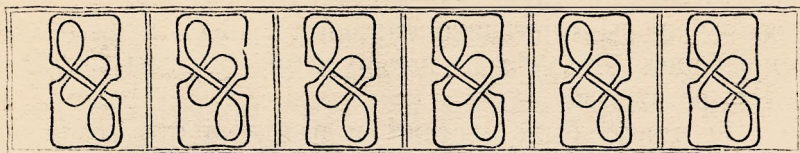
А. В. Подсосовъ, Внѣшкольное образованіе на основахъ общественности, самодѣятельности и кооператизма.

И. Н. Ларцовъ. О разведеніи табака.

Янушкинъ. О свиноводствѣ (плакатъ).

М. Христолюбова. Плакаты для бібліотекъ-читаленъ.

Календарь Записная Книжка Уральского кооператора на 1920 г.

„Островок“.

(Изъ жизни Уральскихъ старообрядцевъ.)

I.

Уже добрыхъ часа три медленно подвигались мы съ Афанасіемъ Авдѣичемъ по бѣлой ледяной равнинѣ Глубокаго озера, направляясь къ запрятанному въ лѣсной глуши маленькому старообрядческому скиту.

Сначала, пока шли подъ надежной защитой Омутнаго мыса, было тепло и спокойно. Высокій, сплошь покрытый дремучимъ ельникомъ, онъ далеко выдвинулъ въ озеро свою несокрушимо-твердую, каменную грудь—какъ исполинскій утюгъ на широкой бѣлой скатерти—и хорошо заслонялъ насъ отъ вѣтра. О томъ, что вѣтрено, можно было догадываться лишь по бѣлымъ мелкимъ облачкамъ, которыя, подобно разорваннымъ клочьямъ ваты, быстро неслись по небу.

Послѣполуденное, уже склонявшееся къ закату, но все еще яркое солнце, весело играло въ небѣ, отражаясь тысячами разно-цвѣтныхъ искорокъ на ослѣпительно бѣломъ снѣгу.

На льду тамъ и сямъ маячили черныя точки—это рыболовы терпѣливо сидѣли у своихъ прорубокъ, укрывшись отъ вѣтра натянутыми на рамы пологами и рогожками.

На душѣ было весело и радостно отъ сознанія свободы и ожиданія интересныхъ впечатлѣній, запасъ силъ казался неисощимымъ, обувь и одежда были теплы и удобны, дорога—ровна и просторна.

Полной грудью вдыхая чистый морозный воздухъ, я бодро шагаль рядомъ съ Афанасіемъ Авдѣичемъ и съ удовольствіемъ слушалъ его безыскусственные, трогательно-простые рассказы о скитскихъ подвижникахъ, о страдальцахъ за старую вѣру.

Все было хорошо.

Но едва только обогнули мы послѣднія отвѣсныя скалы мыса—„крутики“, какъ ихъ обыкновенно называютъ на Уралѣ—какъ насъ охватило ледяное дыханіе пронизывающаго до костей сѣвернаго вѣтра. Казалось, онъ уже давно ждалъ насъ и, истомившись долгимъ ожиданіемъ, теперь съ радостной свирѣпостью набросился на свою жертву. Онъ яростно и упорно билъ справа, кололъ лицо тысячами жгучихъ иголокъ, заплеталъ полы одежды, крутилъ по бѣлому простору озера шипящіе, сѣрые вихри, переметалъ дорогу.

И чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе становился путь. Широкая, хорошо наѣзженная и плотная дорога превратилась въ узкій, избитый нырками, сыпучій гребень, на которомъ уже не хватало мѣста двоимъ врозь. Мы потащились гуськомъ—Афанасій Авдѣичъ впереди—и такъ, молча, шли въ тяжелой борьбѣ съ холодомъ и вѣтромъ верстъ около двѣнадцати.

Силы начали ослабѣвать. Натомившіяся отъ труд-

ной ходьбы ноги неуверенно и расхлябанно ступали по сухому, разсыпавшемуся какъ песокъ, снѣгу. Порой снѣжный хребетъ дороги обрывался, смѣняясь лысынами зеленоватаго, похожаго на бутылочное стекло, потрескавшагося отъ жестокихъ морозовъ льда, и тогда идти становилось нѣсколько легче.

Угасъ короткій декабрьскій день, оставивъ на западѣ, какъ яркое воспоминаніе, широкую ленту зари. Замѣтно сгущавшіяся сумерки смягчили утомительную для глазъ рѣзкость дневныхъ тоновъ, положивъ всюду мягкій голубой колоритъ.

И вмѣстѣ съ послѣднимъ лучемъ дня, казалось, угасло и то бодрое, жизнерадостное настроеніе, съ какимъ я вышелъ изъ дома. Все больше и больше овладѣвало мною тупо-безразличное состояніе крайней физической усталости, когда члены какъ будто теряютъ связь съ нервными центрами и служатъ лишь по инерціи, когда мысль перестаетъ работать и хочется только одного — повалиться, какъ мѣшокъ, гдѣ попало и, не смотря ни на что, уснуть.

Озеро кончалось. Прямо передъ нами, на близкомъ уже берегу, зубчатой стѣной темнѣлъ ельникъ, а за нимъ, на яркомъ фонѣ холоднаго зимняго заката, съ постепеннымъ переходомъ тоновъ, отъ оранжеваго до глубокаго голубого, грозно и четко рисовался огромный темно-синій силуэтъ Бѣлыхъ горъ. Кое-гдѣ, среди далекой синевы одѣвавшаго горы лѣса, выступали блѣдно-лиловые пятна занесенныхъ снѣгомъ полянь.

И при взглядѣ на эту угрюмую громаду, на этотъ восхитительный по богатству красокъ, но такой непривѣтливо-холодный закатъ — еще жестче казался

вѣтеръ, сильнѣе сказывались голодъ и усталость, еще больше манило къ теплу и домашнему уюту. И уже я началъ малодушно раскаиваться, что пошелъ.

— Далеко еще?— окликнулъ я своего спутника.

Афанасій Авдѣичъ остановился и повернулъ ко мнѣ лицо, казавшееся темно-краснымъ пятномъ въ бѣлой рамкѣ сплоснъ закуржевѣвшихъ бороды и косматого воротника,—такъ что трудно было разобрать, гдѣ кончается борода и начинается воротникъ.

— Что, уходился, видно, парень?—добродушно—снисходительно разсмѣялся онъ, обивая жесткой рукавицей съ воротника пушистое бѣлое кружево куржака.

— Еще бы не уходиться по такой-то дорогѣ,—раздраженно буркнулъ я, совершенно забывая, что самъ же напросился на эту прогулку и что Афанасію Авдѣичу ничуть не легче моего.

Но усталый и голодный человѣкъ обыкновенно плохо разсуждаетъ, всякая мелочь для него чувствительна и потому-то улыбка Афанасія Авдѣича показалась мнѣ обидной и окончательно нарушила душевное равновѣсіе.

— Ничего, потерпи еще маленько,—подбадривалъ онъ меня, не замѣчая моего грубого тона.—Теперь ужъ совсѣмъ немного осталось шагать-то. Видишь вонъ,—показалъ онъ палкой вдоль дороги,—вѣтнику-то, что книзу вершинкой воткнута? Сейчасъ тебѣ тутъ будетъ поворотъ къ берегу, а тамъ ужъ не болѣе, какъ съ верстушки до скита-то.

Изъ опыта нашихъ прежнихъ прогулокъ я уже зналъ отлично, какъ обыкновенно безконечно-длины оказывались на повѣрку всѣ эти „верстушки“ и „полверстушки“, но промолчалъ.

Дошли, наконецъ, до замѣтной вѣхи и круто повернули къ берегу. И сразу же, едва только миновали мы прибрежную полосу сухо и тревожно шуршавшихъ мертвыхъ камышей, и по засыпанной снѣгомъ дорожкѣ углубились въ извилистый зеленый корридоръ высокаго лѣса,—сразу стало тихо и тепло. Тѣсно обступившія тропу густыя сочныя пихты, въ перемежку съ рыжеватыми елями, и изрѣдка попадавшіе могучіе пушистые кедры—гостепріимно укрывали насъ отъ беспощаднаго, колючаго вѣтра... Теперь онъ безвредно шумѣлъ и свистѣлъ гдѣ-то высоко вверху, лишь роняя иногда съ вѣтвей мягкіе хлопья снѣга.

Совсѣмъ сгустились сумерки, глубже сталъ снѣгъ и труднѣе путь, еще больше гнететъ усталость. Съ трудомъ переставляешь ноги, утоная выше колѣнъ въ рыхломъ, недавно напавшемъ снѣгу.

— Да скоро-ли, наконецъ?

Но мой нетерпѣливый вопросъ остался безъ отвѣта и черезъ минуту мнѣ стало ясно, что дѣйствительно не стоило и отвѣчать.

Совсѣмъ неожиданно для меня обрвалась дорожка и мы оказались на небольшой полянкѣ, охваченной плотнымъ кольцомъ дремучаго лѣса. Посрединѣ стоялъ низенькій домикъ, съ примыкавшимъ къ нему наглухо крытымъ дворомъ, домикъ, похожій на старый приземистый грибокъ съ бѣлой шляпкой.

Оконъ не видно—они смотрѣли въ другую сторону. Это и былъ скитъ.

Настоящей сказкой вѣяло отъ затерявшагося въ угрюмомъ, старомъ лѣсу жилья и въ этой, столь необычной, обстановкѣ, казалось, нужно было крикнуть:

— „Избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ!“.

— Ну, вотъ, и добрались, слава Богу,—прозаически промолвилъ Афанасій Авдѣичъ, разрушая очарованіе сказки.

— Только не спятъ-ли ужъ старицы-то?—вслухъ подумалъ онъ и вопросительно посмотрѣлъ на меня.—Рано, вѣдь, здѣсь въ лѣсу-то укладываются онѣ.

Поскрипывая настывшими валенками, онъ пошелъ кругомъ скита, чтобы заглянуть въ окна.

— Нѣтъ, живы еще,—сообщилъ онъ, возвращаясь съ развѣдки,—очажокъ топится. Намъ очень даже къ разу.

— Ну пойдѣмъ!—пригласилъ онъ и нырнулъ куда-то въ непроницаемую тьму крытаго двора.

При скудномъ свѣтѣ быстро сгорѣвшей спички я успѣлъ разсмотрѣть здѣсь полѣнницу дровъ и около двери стоявшій на скамьѣ старообрядческій гробъ—выдолбленную изъ цѣльнаго дерева колоду.

„Ужъ не на похороны-ли попали мы?—тревожно подумалъ я и шепнулъ Афанасію Авдѣичу:

— Видѣлъ гробъ-то?

— Домовину-то?—поправилъ онъ меня.—Ты не безпокойся: это у нихъ давнымъ-давно заготовлено.

— Для кого?

— А кому придется: кто напередъ поспѣетъ, тотъ и займетъ.

Постучавъ въ затворенную дверь, Афанасій Авдѣичъ „помолитвовался“:

— Господи, Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

Мертвое молчаніе было отвѣтомъ.

— Господи, Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! — прокашлявшись, громче повторилъ онъ.

На этотъ разъ его услышали. За дверью послышались медленные, шаркающіе шаги и низкій старушечій голосъ отвѣтилъ:

— Аминь! —

Звякнулъ вынутый изъ дверного пробоя желѣзный крюкъ, открылась, обитая рогожей, тяжелая дверь и мы вошли внутрь.

И такимъ тепломъ дохнула на насъ жарко-натопленная русская печь, занимавшая почти половину комнаты, такимъ благодатнымъ и тихимъ уютомъ вѣяло отъ чистенькой кухонки, освѣщенной лишь трепетнымъ огонькомъ лампы, что позабылись все дорожныя невзгоды.

Насъ встрѣтила высокая, сухощавая, немного сгорбленная, но еще крѣпкая старуха, того, теперь уже исчезающаго типа, который на Уралѣ опредѣляютъ мѣткимъ словомъ „кондовый“. Такіе люди какъ будто не знаютъ износа и ихъ желѣзнымъ тѣламъ вполне отвѣчаютъ ихъ суровыя, непреклонно твердыя души. Старуха была одѣта въ темный косоклиный сарафанъ и по-старообрядчески повязана низко надвинутымъ на глаза темнымъ платкомъ.

Старчески внимательнымъ взглядомъ большихъ черныхъ глазъ, съ расходившейся отъ нихъ паутинкой тонкихъ морщинокъ, всматривалась она въ неожиданныхъ, позднихъ гостей. Но тотчасъ же ея строгое, иконописное лицо освѣтилось привѣтливой улыбкой.

— Да это, никакъ, Афанасьюшко? — разглядѣла она.

— Онъ самый,—отозвался Афанасій Авдѣичъ, стаскивая шапку и рукавицы.

Крѣпко ударяя себя двуперстнымъ крестомъ, онъ истово помолился на образа, а затѣмъ отвѣсилъ по-леный поклонъ старухѣ.

— Здорово, матушка Зиновія Варсонофьевна,—церемонно привѣтствовалъ онъ ее.

— Здорово, Афанасьюшко Авдѣевичъ,—въ тонъ ему, густымъ пѣвучимъ контральто отвѣчала матушка Зиновія.

— Прости меня, Христа ради, матушка!

— И меня прости, ради Христа!

— Богъ проститъ.

Лишь послѣ того, какъ былъ выполненъ этотъ сложный ритуалъ скитскаго „цѣлованія“, Афанасій Авдѣевичъ заговорилъ обыкновеннымъ тономъ и языкомъ.

— Ну, каково побѣгиваете?—спрашивалъ онъ, снимая съ усталыхъ плечъ котомку съ провизіей и гостинцами и раздѣваясь.

— Молитвами нашихъ милостивцевъ, христіюбивыхъ благодѣтелей, живемъ по-маленьку, скрипимъ старыми-те костями,—улыбнулась на свои старческія немощи старуха.

— А ты хорошо угадалъ, Афанасьюшко, очень даже къ разу.

— А что?

— Отецъ Маркеллъ здѣсь,—съ значительнымъ видомъ щепнула старуха.

— Да ну-у,—радостно изумился Афанасій Авдѣичъ.—Вотъ хорошо-то! Вѣрно, что къ разу подоспѣли, мать.

— Здѣсь, здѣсь... Вчерась пришелъ. У отца Харлампія, рассказываетъ, въ Желтоводѣ погостилъ, — докладывала мать Зиновія, — у Домникиныхъ маленько опнулся, а теперь, значить, сюды.

Наконецъ она обратила вниманіе и на меня.

— А это кто съ тобой? — спросила она у Афанасія Авдѣича, пытливо всматриваясь въ меня. Вѣроятно моя, слишкомъ „мірская“ виѣшность была кричающимъ пятномъ въ своеобразной скитской обстановкѣ.

— А это дружокъ мой изъ города, — отрекомендовалъ меня Афанасій Авдѣичъ. — Поохотился, вишь, посмотрѣть, какъ вы здѣсь живете въ лѣсу-то, ну и приговорился, значить, ко мнѣ.

— Чу, чево!

— Извините ужъ, пожалуйста, — поклонился я матери Зиновіи, — что явился я къ вамъ непрошенымъ гостемъ, потревожилъ вашъ покой.

— Полно-ка, родимый мой, полно оговариваться-то, — успокоила она меня и съ грубоватой лаской добавила:

— Сымай-ка лучше шубу-то, да проходи въ горницу, гостемъ будешь. Погрѣйся тамо-ка у очажка. Замерзъ, поди?

— Да, порядкомъ, таки, и назябся и усталъ, — чистосердечно признался я.

Окоченѣвшіе, распухшіе отъ холода пальцы плохо повиновались мнѣ, когда я разстегивалъ пуговицы своего пальто.

— Ну, ну... Какъ не уходиться, — посочувствовала мать Зиновіи. — тоже, вѣдь, не близко мѣсто до насъ шагать-то. Афанасій-то привычный, а твоо дѣло.

поди, совсѣмъ другое... Ну да и студено сегодня. Озеромъ-то, поди, больно задуваетъ?

— Здравенько,—отозвался Афанасій Авдѣичъ, отрывая настывшія на усахъ и бородѣ ледяныя сосульки и морщась отъ боли.—Сегодня вѣтеръ-то съ табашной стороны, да и крѣпко дуетъ, стра-а-астъ.

„Табашной“ стороной назывался сѣверъ, вѣроятно потому, что въ этомъ направленіи находился Нижне-Култымскій заводъ—гнѣздо „табашниковъ-никоніанъ“.

— То-то я и говорю: студено. Давай-кося, давай, родимый мой, разболокайся, да грѣйся скорѣе,—повторила свое приглашеніе мать Зиновія.

II.

Пока я раздѣвался и приводилъ себя въ порядокъ, Афанасій Авдѣичъ уже прошелъ впередъ, въ слѣдующую комнату, и слышно было, какъ онъ тамъ здоровался, также многосложно и церемонно, съ невидимыми пока для меня „батюшкой, отцомъ Маркеломъ“ и „матушкой Еликонидой“.

Ему отвѣчалъ слабый, глухой старушечій голосъ и чистый молодой теноръ.

И странно было встрѣтить, когда я прошелъ туда-же, вмѣсто человѣка среднихъ лѣтъ, какимъ я было вообразилъ себѣ обладателя свѣжаго тенора,—странно было встрѣтить серебряно-бѣлаго старика, съ наружностью библейскаго патриарха.

Отецъ Маркеллъ сидѣлъ на лавкѣ, освѣщенный яркимъ пламенемъ топившагося очага. Въ своей длинной, бѣлой холщевой рубашкѣ, такихъ же порткахъ и мягкихъ „обуткахъ“, съ бѣлоснѣжной, спускавшей-

ся почти до пояса, бородой, съ бѣлыми, до плечъ, вьющимися на концахъ, волосами, съ яснымъ и необыкновенно благодушнымъ взглядомъ,—онъ сіялъ величавой красотой маститой, спокойно-мудрой старости. И за этой внѣшней красотой чувствовалось и краснорѣчиво сказывалось во всемъ обликѣ патріарха—глубокая внутренняя красота и богатство духа. Такія лица встрѣчаются на картинахъ Нестерова и, мнѣ кажется, бываютъ у тѣхъ, кто честно и чисто, не уклоняясь отъ вѣлѣній совѣсти ни вправо, ни влѣво, прошелъ длинный жизненный путь и безбоязненно готовъ перешагнуть ту таинственно-жуткую грань, которую называютъ смертью.

И такъ велико и неотразимо было обаяніе этого необыкновеннаго старика, что я невольно, молча, поклонился ему въ поясъ и также молча, пояснымъ поклономъ отвѣтилъ мнѣ и онъ.

Очень интересна и оригинальна была также и сидѣвшая у огня, на низенькомъ табуретѣ, старуха съ аскетически-изможденнымъ лицомъ. Она была одѣта въ такой же костюмъ, какъ и мать Зиновія, но только голова ея вмѣсто платка была покрыта черной, опушенной внизу, монашеской шапочкой.

На мой поклонъ она не отвѣтила, продолжая сидѣть съ неподвижно устремленнымъ въ одну точку взглядомъ. Всмотрѣвшись въ нее внимательно, я понималъ, что она слѣпая.

Просторная чистая комната являлась прекраснымъ, стильнымъ фономъ для этихъ необыкновенно красочныхъ фигуръ старообрядческаго жанра.

Во всю длину стѣны, противоположной двери, тянулись двѣ, покрытыя черной матеріей, полки-бож-

ницы, сплошь уставленные темными деревянными образами, мѣдными складнями и врѣзанными въ доски мѣдными осьмиконечными крестами. Передъ ними блестяли маленькіе мѣдные подсвѣчники, со вставленными въ нихъ свѣчами желтаго воска; виднѣлась мѣдная, чеканная кадильница—кацеи—съ точеной деревянной ручкой. Съ потолка, бросая на стѣну колеблющіеся, пеленныя тѣни, спускалось нѣсколько лампадъ. Но зажжена была только одна, передъ иконою Богоматери. Со стариннаго образа, скупо освѣщеннаго робкимъ голубоватымъ огонькомъ лампады, смотрѣли два темныхъ лица: Богоматери и младенца Христа, оба съ огромными, мистически-скорбными глазами.

Ниже полокъ-божницъ тянулся, также во всю стѣну, покрытый черной матеріей, аналой, съ нашитымъ по серединѣ пелены осьмиконечнымъ крестомъ изъ широкаго серебрянаго позумента. На откосѣ аналоя лежали книги въ темныхъ кожаныхъ переплетахъ и нѣсколько лѣстовокъ.

Кругомъ остальныхъ, чисто и ровно выструганныхъ стѣнъ, стояли широкія, покрытыя половиками, деревянныя скамьи. Онѣ-же, повидимому, служили и постелями, такъ какъ кроватей не было видно и постельныя принадлежности лежали тутъ же, сложенные въ уголѣ. Домотканными пестрыми половиками былъ застланъ и полъ. Чистыя, бѣлыя занавѣски прикрывали два небольшихъ окна.

Въ комнатѣ, жарко нагрѣтой раскаленной плитой очага, стоялъ смѣшанный запахъ елѣя, воска и ладана, придавая ей характеръ какой-то особенной чистоты и, пожалуй, святости.

— Давайте-кось, родимые мои, подсаживайтесь къ огоньку-то,—радушно приглашала насъ мать Зиновія.—А ты, матушка Еликонида, потѣснилась бы малость,—обратилась она къ слѣпой.

— А вотъ я на лавочку ужо переберусь,—прошамкала Еликонида,—нагрѣлась, слава Христу, хорошо.

Медленно поднявшись, она ощупью отыскала лавку и усѣлась здѣсь, остановивъ свои незрячіе глаза на простѣикѣ между окнами и что-то беззвучно шептала своими тонкими, безкровными губами. Лицо ея застыло въ каменно-неподвижномъ выраженіи безмолвной покорности судьбѣ.

Какъ отрадно было послѣ длиннаго, утомительнаго пути расправить усталые члены, чувствовать горячее дыханіе очага, смотрѣть, какъ играетъ, переливаясь изъ одного тона въ другой, весело-шумящее, яркое пламя!

Холодъ не сразу оставляетъ настуженное тѣло. Онъ долго еще бѣгаетъ острыми струйками по спинѣ, вызывая сильную дрожь и дѣлая кожу похожей на гусиную. Наконецъ, подъ дѣйствіемъ горячей ласки огня, замираютъ его послѣдніе уколы и наступаетъ состояніе лѣнливой, пріятной нѣги, и хочется потянуться такъ, чтобы хрустнули кости.

Я люблю огонь. Люблю не потому лишь, что онъ даетъ свѣтъ и тепло, не ради однѣхъ только практическихъ выгодъ. Нѣтъ, въ моей симпатіи къ нему, я знаю, кроются другіе, болѣе глубокіе и таинственные корни. Насъ связываютъ давнія, невидимыя, но прочныя узы. Въ обаяніи огня, въ моемъ тиготѣніи къ нему,—безсознательно, какъ рефлексъ,

оказывается древнее атаквистическое чувство, сохранившееся еще отъ безконечно-далекой эпохи каменнаго вѣка, когда мой полуголый предокъ-дикарь сидѣлъ передъ яркимъ костромъ и со смутно-благоговѣйнымъ чувствомъ смотрѣлъ на благодѣтельную и загадочную стихію.

И часто случается, что, когда я пристально смотрю на пламя топящейся печи, настоящее перестаетъ для меня существовать. Тогда раздвигаются безгранично стѣны комнаты, на много тысячелѣтій отступаетъ назадъ время и я вижу совсѣмъ иную обстановку. Я вижу его, моего первобытнаго предка, одиноко сидящаго передъ костромъ, съ задумчиво устремленнымъ на огонь дикимъ взглядомъ и въ то же время инстинктивно-чутко насторожившагося каждымъ мускуломъ своего еще косматого тѣла. Я вижу его въ украшенной примитивными рисунками пещерѣ, среди многочисленной семьи, вижу въ мирномъ домашнемъ быту, вижу въ беспощадно-свирѣпомъ бою, вижу на охотѣ.

Несмотря на отдѣляющій насъ другъ отъ друга неисчислимый рядъ лѣтъ, я ясно слышу его зовъ и, откликаясь, жалѣю, что родился и живу въ нашемъ „культурномъ“ вѣкѣ, я грущу объ утраченномъ раѣ первобытно-свободной жизни.

— Эка благодать, — блаженно жмурился Афанасій Авдѣичъ, протягивая къ огню мозолистыя руки съ заскорузлыми отъ тяжелой работы, неразгибающимися пальцами.

Онъ уже успѣлъ снять съ себя валенки и кафтанъ и теперь сидѣлъ передъ очагомъ прямо на полу, босой и въ одной рубашкѣ. Огонь, потрескивая, игралъ на его, еще больше раскраснѣвшемся лицѣ и

отражался мягкими матово-золотистыми бликами въ изгибахъ темно-русыхъ волосъ и бороды. И когда онъ поднималъ къ пламени руки, то подъ мышками открывались на его синей рубашкѣ выцвѣтшія отъ пота свѣтлыя пятна.

— Давненько не бывалъ у насъ, Афанасьюшко, —ласково пеняла ему слѣпая Еликонида.—Забывать, видно, сталъ старухъ-то.

— Хорошенько, хорошенько настрочи его, мать, гордоуса спесиваго, —шутливо поддержала ее съ кухни мать Зиновія.

Она уже хлопотала тамъ надъ чѣмъ-то, стуча посудой. Слышно было, какъ доставая то или другое, она басисто говорила: „Господи благослови“.

— Вотъ ужъ это, матери, вы совсѣмъ напрасно взѣлись на меня,—обидѣлся даже Афанасій Авдѣичъ, возмущенно тряхнулъ остриженными въ скобку примасленными волосами.—Совсѣмъ даже напрасно, право... Давнымъ-давно собирался къ вамъ, да вотъ дѣлишки-то, вишь, держать все. Тоже, вѣдь, пить—ѣсть семейка-то просить. Да-а...

Онъ поправилъ сбившійся кверху тканый голубой поясокъ и пригладилъ волосы.

— Давно, говорю, собирался къ вамъ,—продолжалъ онъ оправдываться,—да, вишь, дѣла-то все камнемъ на тебѣ висятъ. Да-а... Ну, а на послѣдокъ вотъ ровно кто подтыкать началъ: „иди, да иди“. Ну и пошли мы, значить, да вонъ какъ хорошо угадали: отца Маркелла привелъ Господь повидать.

Широко и радостно улыбаясь, Афанасій Авдѣичъ поднялся съ пола и присѣлъ на лавку, рядомъ со старикомъ.

А отецъ Маркеллъ сидѣлъ, возобновивъ прерванную нашимъ неожиданнымъ приходомъ работу. Небольшимъ, сильно уже сточеннымъ ножичкомъ, съ ручкой изъ берестяныхъ пластинокъ, онъ неторопливо, со старческой методичностью, выстругивалъ тонкія березовыя лучинки, вершка по два длиной каждая. Легкія, бѣлыя, свивавшіяся въ колечки и спирали, стружки безшумно, какъ снѣжинки, падали на подосланный къ ногамъ старика маленькій грубый половичекъ. Готовыя лучинки складывались въ стоявшую рядомъ берестяную коробку. Это были примитивныя, до сихъ поръ еще употреблявшіяся здѣсь въ скиту, спички домашняго изготовленія. Кончики лучинокъ нужно было потомъ обмакнуть въ разтопленную сѣру и зажигались такіе спички только отъ горячаго угля.

— А вотъ батюшка-то Маркелла, вѣрно, что давненько не видалъ,—сказалъ Афанасій Авдѣичъ и обратился къ старику:

— Годковъ пятокъ, пожалуй будетъ?

— Нѣтъ, считай поболѣ, голубокъ,—отозвался молчавшій до сихъ поръ отецъ Маркеллъ, поднимаясные, пронизательно-мудрые глаза,

Онъ собралъ остальные лучинки, положилъ ихъ вмѣстѣ съ ножомъ въ коробку и медленно стряхнулъ прильнувшія къ одеждѣ стружки на половичекъ, свернулъ его и вынесъ на кухню.

— Считай поболѣ, дружокъ,—повторилъ отецъ Маркеллъ, возвратившись. Онъ присѣлъ на прежнемъ мѣстѣ, вытянулъ вдоль колѣнъ сморщенные, пересеченныя синими жилками руки, съ рѣзко выступающими изъ подъ кожи, какъ это обыкновенно бываетъ у стариковъ, узловатыми суставами.

— Смекни-ка, когда видѣлись?—напоминалъ онъ.
— На похоронахъ Пафнугія-старца. А вѣдь онъ ужъ
близко семи годовъ, какъ предсталъ ко Христу—
Свѣту.

Склонивъ немного на бокъ голову, какъ будто
къ чему-то прислушиваясь, Афанасій Авдѣичъ ста-
рался припомнить обстоятельства послѣдней встрѣчи
со старикомъ.

— А вѣдь и точно!—удивленно повернулся онъ
къ отцу Маркеллу и задумчиво добавилъ:

— Какъ времячко-то идетъ, а?

— Летитъ, дружокъ, летитъ,—вздыхнувъ, согла-
сился съ нимъ старикъ.

Афанасій Авдѣичъ любовно посмотрѣлъ на него.

— А тебя, отецъ,—сказалъ онъ, улыбаясь,—бе-
режетъ времячко-то, посмотрю я. Право. Сколько го-
довъ ужъ я тебя знаю, самъ, пожалуй, старикомъ
становлюсь, я ты все такой-же, какимъ я тебя спер-
воначалу увидѣлъ, право. Все такой-же бѣленькій.

— Охъ, не говори, Афанасьюшко, не говори,—
покачалъ отецъ Маркеллъ серебряной головой.—Осѣлъ
я нонѣ, шибко осѣлъ. Не тотъ, о-ой, не тотъ ужъ я
нонѣ сталъ. Чую, что приближаюсь къ Судии нелю-
бимому... Да оно и пора, давно пора. Загостился
я здѣсь. „Днѣ лѣтъ нашихъ семьдесятъ лѣтъ, аще
же въ силахъ—осьмидесятъ лѣтъ и множае—трудъ
и болѣзнь“.

— Вѣрно, батюшко, вѣрно,—проскрипѣла слѣпая
Еликонида.—„множае трудъ и болѣзнь“. Мы, вонъ,
съ Анимасой-то,—она кивнула куда-то въ уголъ,—
давно ужъ перешли положенный-то предѣлъ, да и
маемъ людей-то. О-хо-хо-о...—протяжно позѣвнула.

24/61433

она и медленно перекрестила старческій беззубый ротъ.

Трудно было по вѣшнему виду отца Маркелла опредѣлить его возрастъ. Въ немъ, кромѣ развѣ нѣкоторой медлительности въ движеніяхъ, не было замѣтно признаковъ старческой дряхлости. Розовое, безъ землистаго оттѣнка, лицо; сохранившіеся еще зубы; ясные, живые, сѣрые глаза; свѣжій голосъ—все это указывало, что ему, какъ будто, еще не особенно много лѣтъ. Но въ то же время было что-то неуловимое въ выраженіи его лица, особенности глазъ, въ манерѣ отношеній его къ собесѣдникамъ, что свидѣтельствовало о его весьма преклонномъ возрастѣ.

— Сколько вамъ, отецъ Маркеллъ, лѣтъ?—полюбопытствовалъ я.

Старикъ перевелъ на меня глаза.

— Говори ты со мной, голубокъ, не знаю, какъ тебя назвать-величать,—отозвался онъ и какъ-то особенно тепло и задумчиво колыхнулся нѣжный голосъ,—говори ты со мной, другъ, по-просту, на „ты“... Лучше такъ-то... Самому Господу Богу говоримъ „ты“, а съ человѣкомъ и подавно такъ слѣдуетъ.

Онъ, не торопясь, поднялся и поправилъ наго-рѣвшій темной шапкой фитиль лампы.

— Лѣтъ, говоришь, сколько?—переспросилъ онъ, усаживаясь на лавкѣ противъ меня.—Лѣтъ мнѣ дружокъ, не мало: девятый десятокъ пошелъ. Вотъ какъ давно странствую.

— Какъ „странствую“?—не понялъ я.—Я думалъ, что и вы... ты,—поспѣшилъ я поправиться,—тоже одинъ изъ обитателей этого островка?—И я показалъ кругомъ себя.

— Странствіемъ, дружокъ, я жизнь свою называю. Странники и пришельцы мы на землѣ-то. Это я говорю въ смыслѣ иносказательномъ, сокровенномъ... Ну да и здѣсь, на „островкѣ-то“, какъ ты скитокъ-отъ здѣшній назвалъ, я тоже гость. Также гость, голубокъ.

Старикъ внимательно и глубоко посматрѣлъ на меня и вдругъ неожиданно просіялъ мягкой, добродушной улыбкой.

— А это ты хорошо сказалъ „островокъ“, — вспомнилъ онъ мое сравненіе. — Точно, что островокъ: кругомъ шумить-бушуетъ мірское окіанъ-море, а здѣсь покой да благодать. Пристанище благоутинное.

Отецъ Маркеллъ помолчалъ. Нѣжная улыбка медленно сбѣжала съ его лица, какъ будто растаяла.

— Пришлый, пришлый я здѣсь, миленькій, — тихо и раздумчиво заговорилъ онъ вновь. — Да и не только здѣсь, а и вездѣ пришлый. Странникъ я, голубокъ: настоящаго града не имѣю, грядущаго взыскую.

И старикъ опять замолкъ, остановивъ неподвижный взглядъ на потухавшемъ уже огнѣ очага. Можетъ быть передъ его умственнымъ взоромъ развертывался длинный путь его житейскаго „странствованія“ и онъ думалъ о томъ, что скоро этотъ путь оборвется и наступитъ та „настоящая“, „вѣчная“ жизнь, для которой эта временная была только испытаніемъ и подготовительной ступенью. И почему-то казался страшно одинокимъ этотъ живой памятникъ милой русской старины, одинокимъ, какъ старое дерево среди новой мелкой поросли. Если съ иными и равняли его года, то, вѣроятно, отличалъ большой житейскій опытъ и богатство внутренняго содержанія.

Молчали и мы и только слѣпая Еликонида изрѣдка вздыхала:

— Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

Очагъ догоралъ. Утихло шумливое пламя и дрова, раснавшись на крупные, красные угли, постепенно подергивались легкой свѣтло-сѣрой пеленой пепла. Внутри углей беззвучно переливался огонекъ и выскальзывалъ кое-гдѣ красивыми фіолетовыми язычками:

— Сколько время-то, Михайлычъ?—прерывая тишину, обратился ко мнѣ Афанасій Авдѣичъ.

Я посмотрѣлъ на часы:

— Шесть часовъ.

— Только-то?—удивился онъ.—Ну, долга еще ночь-то: на все хватить: и на сонъ, и на молитву, и на бесѣду. Пойти еще принести дровецъ-то,—поднялся онъ съ лавки и сталъ обувать подсохшія и нагрѣвшіяся отъ очага валенки.

— Важно нагрѣлись,—полюбовался онъ на нихъ и вышелъ на кухню.

— Не суетись-ка ты, мать, не суетись,—послышался тамъ его голосъ.—Ну чего ты хлопочешь-то, а? Вѣдь у насъ свой провіантъ съ собой взять!

— Не суди-ка ты, что не надо-то!—негодующе отвѣчала ему Зиновія.—„Свой провіантъ!“ Нѣтъ ужъ, родимый мой, мы хоть и убогія, а все же конфузить себя не станемъ, какъ ненабудъ ужъ свой кусочекъ-то для гостей разыщемъ.

— Ну, да ладно, ладно, не ворчи ужъ,—примирительно сказалъ Афанасій Авдѣичъ и вышелъ во дворъ, впустивъ съ улицы волну морознаго пара.

Волна добѣжала и до насъ, охватила холодкомъ ноги и, поднявшись выше, колыхнула трепетный огонекъ лампады и смутно-неопредѣленные тѣни.

— А скажи-ка ты мнѣ, миленькій, какъ тебя звать-то? — обратился ко мнѣ отецъ Маркелль.

— Сергѣемъ, дѣдушка.

— Сергѣй... Сергѣюшко, — повторилъ старикъ и спросилъ:

— Сергія Радонежскаго, преподобнаго, ангеломъ своимъ почитаешь?

— Да, мои именины 25-го сентября.

— Такъ, такъ... А ты, Сергѣюшко, не охотничекъ?

— Раньше занимался, а теперь нѣтъ.

— Ну и добре. Самое это послѣднее дѣло — божью тварь губить. Живетъ она, радуется, Творца своего небеснаго славить, а тутъ пришелъ человѣкъ, какъ злодѣй какой — и хлопъ! Да добро бы хоть отъ нужды, для пропитанія, а то сплосъ и рядомъ потѣхи ради, особливо господа эти. О-охъ, нѣтъ звѣря жесточе человѣка, всѣхъ онъ лютѣе. Былъ я, другъ, какъ-то въ городъ и что, слышь, тамъ высмотрѣлъ? Собрались, это, господа молодые да богатые и устроили себѣ забаву: выпускаютъ голубей да на лету, слышь, ихъ и бьютъ. Стрѣлять, значить, учатся на живой-то птицѣ. Десятка три, надо полагать, этакъ дуромъ-то перегубили, право... Э-эхъ! дома каменные и люди, видно, каменные!

Отецъ Маркелль скорбно покачалъ головой.

Дремавшая сидя, старая Еликонида нацупала изголовье и съ кряхтеньемъ прилегла на своей жесткой постели.

— Господи помилуй, Господи прости,—бормотала она въ полуснѣ.

III.

— А порядкомъ, таки, подмораживаетъ на дворѣ-то,—сказаль Афонасій Авдѣичъ, возвращаясь съ охапкой пріятно пахнувшихъ, смолистыхъ дровъ.— Вѣтерокъ-то, однако, совсѣмъ стихъ.

И опять вмѣстѣ съ нимъ ворвались съ улицы клубы морознаго пара и, пробѣжавъ безшумно и быстро по полу, растаяли вверху, колыхнувъ огонекъ лампы.

Грузно ступая подъ бременемъ тяжелой ноши и скрипя половицами, Афонасій Авдѣичъ подошелъ къ очагу и съ грохотомъ опустилъ дрова на полъ.

И вдругъ отъ сотрясенія лежавшая въ углу на лавкѣ темная куча тряпья неожиданно зашевелилась. Сначала оттуда показались и медленно спустились на полъ босыя, костлявыя ноги, а затѣмъ, также медленно, поднялась и утѣлась на лавкѣ странная человѣческая фигура.

Это была необыкновенно ветхая старуха, тоже въ скитскомъ нарядѣ. Высохшее, землистое лицо, съ явственными очертаніями черепа и темнымъ проваломъ беззубаго рта; огромные, мутные, лишенные всякаго выраженія и глубоко запавшіе глаза; слабыя, неувѣренныя движенія,—все это говорило о томъ, что это жуткое подобіе человѣка давно уже потеряло связи съ живымъ міромъ и живетъ лишь потому, что смерть позабыла о немъ. Это былъ яркій, выразительный символъ безпомощной дряхлости.

— Испить бы мнѣ,—голосомъ, напоминавшимъ сухой шелестъ опавшихъ листьевъ, проговорила старуха и остановила на мнѣ свой пустой, ничего не выражавшій взглядъ.

Можетъ быть, она даже и не видѣла меня, но такъ было жутко находиться подъ этимъ мертвымъ взглядомъ, что я невольно отодвинулся въ сторону.

Мать Зиновія услышала слабый зовъ и принесла ей воды въ деревянной чашкѣ.

— Благослови, матушка, водицы испить,—прошелестѣла старуха, вѣроятно, чисто механически, въ силу выработанной годами привычки, выполняя скитскій ритуаль.

— Богъ благословить,—отвѣтила Зиновія, кивнувъ головой.

Дрожащая костлявая рука взяла чашку, поднесла къ беззубому рту и слышно было, какъ переливалась и булькала въ горлѣ вода.

И когда старуха напилась и возвратила чашку Зиновіи, она вновь остановила и долго держала на мнѣ свой взглядъ, а потомъ медленно перевела его на Афанасія Авдѣича.

Но вотъ, въ мертвыхъ, безцвѣтно-пустыхъ и бездонныхъ глазахъ какъ-будто мелькнула искорка внутренней жизни, и слабое подобіе улыбки скользнуло по высохшему, какъ у муміи, лицу. Такъ иногда сквозь плотную завѣсу тяжелыхъ, хмурыхъ облаковъ вдругъ неожиданно пробьется блѣдный солнечный лучъ и, блеснувъ на мгновенье, опять исчезнетъ.

— Вонъ какихъ хорошихъ молодчиковъ Господь послалъ,—тускло прозвучалъ ея голосъ.

Она еще посмотрѣла на насъ съ Афанасіемъ Авдѣичемъ и потомъ, зябко ежась, опять улеглась въ свой уголь и больше уже не поднималась.

Мать Зиновія накрыла ее какой-то одежкой.

— Кто это?—съ глубокимъ изумленіемъ спросилъ я про странное, призрачное существо.

— А горе это наше, прости Господи, вотъ кто,—хмуро отвѣтила мать Зиновія.

— Тоже скитница, мать Анимайса,—расшифроваль мнѣ Афанасій Авдѣичъ образный языкъ Зиновія.—Дровяная старушка, годковъ съ сотню ужъ ей будетъ, пожалуй.

— Какая тутъ сотня!—махнула рукой мать Зиновія.—Ей, сказываютъ, болѣ ста годовъ было, когда она сюда-то попала. Да здѣсь она живетъ, надо полагать, годъ десятый либо одиннадцатый. Вотъ ты и считай, сколько лѣтъ-то ей будетъ.

— Нда—а,—протянулъ Афанасій Авдѣичъ, поглаживая бороду,—старо мѣсто. Совсѣмъ забываться стала: не узнала, вишь, меня.

— Ой, не говори, Афанасьюшко,—больше отвѣчая на свои мысли, чѣмъ на его слова, сказала Зиновія.—Живемъ мы, здѣсь „шибена да ударена“, маета у насъ только одна, а не спасенье! Надо бы о душѣ подумать, помолиться, а тутъ то за той, то за другой ходи. Вертишься, вертишься, а все ничего не выходитъ, да только тебя и станеть, прости господи!

— Полно-ка, мать, полно-о, не грѣши,—мягкимъ жестомъ остановилъ отецъ Маркелль потокъ ея жалобъ.—Ну куда ты ихъ, сиротъ убогихъ, дѣнешь?

Потерпи уже малость: Христосъ заплатитъ въ будущій вѣкъ.

Нѣжный, ласковый голосъ смягчилъ и утихомирить расходившееся сердце Зиновіи.

— Прости ты меня, грѣшницу, батюшко, ради Христа,—поклонилась она старику и, вздыхая, вышла на кухню.

Афанасій Авдѣичъ присѣлъ на полъ на корточки и, крихтя, началъ совать принесенныя дрова въ жаркую пасть очага. Сначала они лежали, не загораясь. Скрытый въ горячихъ, красныхъ угляхъ огонь какъ бы задумался, не зная, съ какой стороны приняться за брошенную ему новую пищу. Но потомъ разомъ шумно охватилъ дрова со всѣхъ сторонъ и началъ торопливо лизать ихъ красными языками, съ черными, дымными завитками на концахъ. И снова заиграло веселое пламя, постукивая чугунной заслонкой, съ рельефнымъ изображеніемъ на ней несущейся по зимней дорогѣ тройки.

— Бывало, вотъ этакъ-то ребятишками около огонька сиживали,—вспоминаетъ, при видѣ огня, Афанасій Авдѣичъ давно минувшіе годы и задумчиво улыбается. И эта улыбка неожиданно смягчаетъ его лицо, добродушное, но уже огрубѣвшее отъ безотрадной, полной заботъ и тяжкаго труда жизни.

— Пошлютъ, это, бывало, овинъ сушить, наберется насъ компанія человѣкъ пять—шесть иной разъ, да и проводимъ ночь-то у костра. Сказки да побывальщинки рассказываемъ, загадки загадываемъ, картошки печемъ... Хорошо-о-о...

И онъ глубоко и протяжно вздохнулъ о невозвратимомъ счастьѣ беззаботнаго дѣтства.

Дремавшая на лавкѣ слѣпая Еликонида опять поднялась и сидѣла, позѣвывая и крестя ротъ двумя перстными крестомъ.

— Што-то больно морить меня сегодня,—проскрипѣла она,—должно, опять къ снѣгу. Здѣсь у насъ въ горахъ къ погодѣ-то никакъ и не примѣнишься: съ утра ясно, днемъ падера расходится, а къ ночи, смотришь, опять все стихло.

— И то, посмотрѣлъ я,—отозвался Афанасій Авдѣичъ, поднимаясь съ полу отъ печи,—занесло васъ здѣсь совсѣмъ. Снѣгу-то насыпало вровень съ крышей. Что развѣ давно никто не провѣдывалъ?

— Нѣтъ, Тимофеюшко былъ коевадни, поскребся около двора-то, да, вишь, опять насыпало. Два дни, рассказываетъ Зиновей-то, безъ перетыху валило. О-хо-хо-о-о...

— Вотъ погодите ужь,—успокоилъ Афанасій Авдѣичъ,—взойдетъ мѣсяцъ, такъ надо будетъ васъ откопать да дровецъ вамъ побольше наколотъ.

— Спаси-те Христось, родимый мой,—поблагодарила его Еликонида,—жалѣешь насъ убогихъ. Потрудишь ужь, миленькой, поради для души-то. О-хо-хо-о-о,—протяжно вздохнула она,—стары, стары стали, никуда негодны... Зиновей-то хоть, слава Христу, бродить, да робить за насъ, а ужь мы съ Анимайсой-то давно чужой вѣкъ живемъ. Я, вотъ, раньше-то, бывало, хоть по домашности мало-мало нипляюсь, а какъ отемнѣла, такъ и только... И сижу, какъ сычъ какой...

Я всмотрѣлся въ ея полузакрытые желтоватыми, дряблыми вѣками глаза: они были темные, безъ

зрачка, и, повидимому, совершенно нечувствительныя къ свѣту.

— Давно ты, матушка Еликонида, ослѣпла? спросилъ я.

Старуха подумала, припоминая.

— А вотъ ужъ пятый годъ никакъ пошелъ, батюшко, какъ отемнѣла я,—отвѣтила она, не поворачивая въ мою сторону головы.—Сначала это временами находило: нѣтъ-нѣтъ да и накатитъ ровно оболочко и заститъ свѣтъ-отъ, а потомъ и прояснить опять. Ну, а концы въ концахъ одолѣло таки меня, совсѣмъ свѣтъ-отъ погасъ... Утромъ одинова проснулась я—и не вижу ужъ нисколечко. Да такъ, вотъ, съ той поры и маюсь все... Пятый годокъ пошелъ,—понурившись, тихо жаловалась Еликонида,—а все не могу, грѣшница, привыкнуть-то, все жалко глазо-нѣкъ-то...

Задрожалъ и оборвался скрипучій голосъ, мелкія старческія слезинки блеснули въ незрячихъ глазахъ и медленно скатились по сухому, морщинистому лицу.

— Сюда-то я ужъ темной попала,—успокоившись, заговорила мать Еликонида.—Подобрала меня, убогую, матушка Зиновья, спаси ее Христосъ. Куды бы я безъ ее дѣлася теперя-ка? Нѣту ни роду, ни племени, всѣ близкіе да родные перемерли, осталась я, горюша, одна какъ переть.

— А допрежъ этого жила я, батюшко, за Висномомъ, тоже въ лѣсу, въ скитахъ-же. На рѣчкѣ Бышанѣ скитъ-отъ стоялъ. Можетъ, слыхалъ? Да нѣтъ, гдѣ, поди... Большой скитъ-отъ былъ: спасалось насъ тамо двадцать четыре старицы. Хорошо жили, согласна... Да, видно, не поглянулось окаянному наше-то

тихое да благочестное житѣе и зачалъ онѣ насѣ
искушать, да и раззорилъ въ конецъ.

— Какъ раззорилъ?

— А такъ, вотъ... Настоятельница у насѣ въ
тѣ поры была матушка Соломонѣ, кроткая старица,
увѣтливая. Всѣхъ-то, бывало, жалѣеть, всякому-то
хорошее да ласковое словечко скажетъ. Ну и пори-
докъ тоже держала. Хорошая была старица, царство
ей небесное.

Еликонѣда истово перекрестиласѣ двуперстнымъ
крестомъ.

— Ну, а какъ представиласѣ она, такъ и повер-
нуласѣ у насѣ все по другому. Настоятельница у
насѣ наступила не старица какъ бы настоящая, а
дѣвка, можно сказать. Ну и зачала она изводить
старухъ-то, а всѣхъ больше доставалось, пожалуй,
мнѣ грѣшной, да Маремьянушкѣ блаженной. Надо
полагать, за убожество за наше. А Маремьянушка
эта, можно сказать, святой жизни была, вериги тя-
желыя на себѣ носила. А „той“ нипочемъ была и
святость-то. Ну, Маремьянушка ужъ отстрадала свое,
теперь предстательствуетъ за насѣ, грѣшныхъ, передъ
Христомъ-Свѣтомъ... Ну такъ вотъ, значить, какъ
зачала „та“ изводить старухъ-то, всѣ онѣ и разбре-
лись, кто куды. Я вотъ, сюды попала.

Старуха смолкла и опять что-то беззвучно шеп-
тала, вздыхая иногда съ шипѣньемъ и свистомъ, по-
добно старому испорченному насосу.

Какъ должна быть тосклива и безотраднѣ еѣ
жизнь, одинокой, дряхлой старухи, погруженной въ
безпросвѣтный мракъ, находящейся въ постоянной и
безусловной зависимости отъ другихъ! Впрочемъ, кто

знаеть? Можетъ быть, ей служить неизблемой опорой твердая и горячая вѣра и въ своемъ несчастіи она видитъ ниспосланное ей испытаніе и ждетъ награду въ будущей жизни.

Мать Зиновія закончила свои хлопоты на кухнѣ и ея густой и низкій контральто, какъ колоколь, раздался оттуда:

— Афонасьюшко! Иди-ка, родимый мой, пособи мнѣ!

Онъ поднялся на зовъ и черезъ минуту они внесли съ Зиновіей столъ, покрытый темно-синей домо-тканной скатертью и сплошь уставленный скитскимъ угощеніемъ.

— Куды поставимъ-то?—оглядываясь кругомъ, выбирала мѣстечко Зиновія.

— А вотъ давай сюда, къ огоньку,—предложилъ Афанасій Авдѣичъ,—важно тутъ будетъ.

Мать Зиновія окинула столъ внимательнымъ и озабоченнымъ взглядомъ и, оставшись, видимо, довольна осмотромъ, низко поклонилась намъ съ Афанасіемъ Авдѣичемъ и пѣвуче проговорила:

— Пожалуйте, гостеньки дорогіе, подвигайтесь къ столику-то, да ужъ не осудите насъ за наше убогое угощеніе.

Въ данномъ случаѣ она немного лицемѣрила, такъ какъ угощеніе совсѣмъ нельзя было назвать убогимъ.

На столѣ, занимая подобающее ему центральное мѣсто, красовался подогрѣтый въ кухонной печи и уже вскрытый услужливыми руками матери Зиновіи, огромный пирогъ изъ крупныхъ окуней. Какъ гигантскій броненосецъ, онъ былъ окруженъ цѣлой флотиліей мелкихъ судовъ—тарелокъ и чашекъ, переполнен-

ныхъ разнообразной ѣдой. Тутъ были и великолѣпные соленые грузди—еловики, желтые, съ мягкими, загнутыми внутрь влажно-пушистыми краями, похожіе на широкополыя шляпы съ низкими тульями. Рядомъ съ ними заманчиво глядѣли крѣпкіе, красноватые, маринованные рыжики, отдававшіе смѣшаннымъ запахомъ уксуса, корицы и соснового бора. Нѣжно и застѣнчиво розовѣла на бѣлой тарелкѣ наръзанная пластиками соленая капуста. Крѣпкимъ и острымъ букетомъ ударяла въ носъ тертая, сочная рѣдька, пересыпанная кольчиками розоваго лука и обильно политая зеленымъ коноплянымъ масломъ. Тутъ было темно-коричневое, густое какъ деготь и сладкое какъ сахаръ, сусло, налитое въ украшенной наивнымъ рисункомъ деревянной чашкѣ. Тутъ стоялъ и чудный, таинственный даръ лѣса и цвѣтовъ, концентрированный солнечный лучъ,—ароматичный, прозрачно-зернистый, желтый медъ. И, наконецъ, какъ заключительный аккордъ этой гастрономической симфоніи,—аппетитный, румяный пшеничный хлѣбъ.

Сладостно ласкало голодный взоръ это обиліе и разнообразіе. И всетаки мы съ Афанасіемъ Авдѣичемъ сначала отказывались, увѣряя мать Зиновію, что совсѣмъ не голодны, но потомъ дали себя уговорить и усѣлись.

Но какъ-то стѣснительно казалось ѣсть только намъ двоимъ, безъ участія всѣхъ остальныхъ, и я сказалъ:

— А почему же вы сами-то не присаживаетесь съ нами!

— Ты, родимый мой, о насъ не беспокойся,—насково отвѣтила Зиновія,—мы, вѣдь, дома. Кушайте-ка

давайте, кушайте на здоровье. А. мы ужъ поѣли, было дѣло.

— Сегодня у насъ, миленькой, пятница,—пояснила со своей стороны слѣпая Еликонида,—такъ ужъ намъ, скитскимъ, не подобаетъ, на ночь-то глядя, чревоугодничать. Другое дѣло вы—ваше дѣло дорожное. А мы, Богъ дастъ, завтра ужо поѣдимъ.

За столомъ сразу же обнаружилась неискренность нашего первоначальнаго отказа: мы ѣли, какъ эскимосы.

Ѣли въ строгомъ молчаніи, какъ того требовалъ скитскій этикетъ, да, впрочемъ, и некогда было разговаривать. Какъ въ бездонной пропасти, исчезали въ нашихъ желудкахъ рыба, грибы, капуста и все остальное. Подобно хорошимъ жонглерамъ, мы ловко и быстро орудовали то вилками, то деревянными ложками, съ вырѣзанными на концахъ ихъ черенковъ руками, сложенными въ двуперстный крестъ.

Красное лицо Афонасія Авдѣича подернулось жирнымъ блескомъ и такимъ-же, вѣроятно, выглядѣло и мое.

Почувствовали мы себя удовлетворенными лишь послѣ того, какъ опустошили половину чашекъ и тарелокъ. И когда Афонасій Авдѣичъ выразительно мкнулъ, я счелъ это за сигналъ къ выходу изъ-за стола и поднялся, а слѣдомъ за мной—и онъ.

— Спаси васъ Христосъ,—сказалъ онъ, помолившись на иконы,—накормили—напоили насъ.

Я ограничился молчаливымъ поклономъ.

— Мало что-то покушали,—покачала головой мать Зиновія,—не глянется, видно, наше-то угощеніе.

— Что ты, матушка, какое же „мало“!—возразилъ я, отдуваясь.—Пожалуй, за пятерыхъ отвѣтили.

— Ну, ино. не осудите ужъ, родимые,—откланялась намъ мать Зиновія.— Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

Потомъ обратилась ко мнѣ и спросила:

— Тебѣ, поди, родимый мой, чайку попить охота? Такъ ужъ не взыщи: чаю у насъ здѣсь и въ заводѣ нѣту.

— Ничего, матушка,—отвѣтилъ я, не совсѣмъ, впрочемъ, искренно—прекрасно обойдусь и безъ чаю. Мало ли что дома-то мы пьемъ да ѣдимъ,—здѣсь у васъ свои порядки, свои обычаи.

— Вѣрно, родимый мой, вѣрно,—подтвердила мать Зиновія и правоучительно добавила:

— А по моему такъ лучше и совсѣмъ, никогда не потреблять этого зелья-то, не тѣшить окаяннаго-то.

— Почему же, однако, чай пить—значить окаяннаго тѣшить?—спросилъ я.

— А потому, родимый мой,—строго и вѣско, какъ будто ударяя молоткомъ, сказала мать Зиновія, усаживаясь рядомъ съ Еликонидой,—потому, родимый мой, что перво-на-перво это баловство пустое и душепагубное новшество. Такъ-то...

Она остановила на мнѣ тяжелый взглядъ суровыхъ, темныхъ глазъ и, выдержавъ паузу, продолжала:

— А напотомъ ты и то поразсуди: Кому посуды-те ваши чайныя подобны, а?

Я въ недоумѣніи развелъ руками. такъ какъ положительно не могъ припомнить никакого порочащаго сходства.

Мать Зиновія вывела меня изъ затрудненія.

— И чайникъ твой, и самоваръ этотъ самый,—внушительно начала она, въ тактъ словамъ кивая головой,—оба они съ рогами. А кому рогатые-то унодебляются? а? Окаянному! Понялъ теперь?

— Чай пьютъ только отчаянные,—встала словечко Еликонида.

Я невольно улыбнулся на эти наивныя доказательства.

— Такъ вѣдь дѣло-то, стало быть, только въ посудѣ, а самый-то чай, пожалуй, и непричемъ,—сказалъ я.—Да, насколько я знаю, и ваши старообрядцы не особенно съ этимъ считаются и почти все сплошь пьютъ чай.

Въ разговоръ вступилъ, не принимавшій участія въ спорѣ, отецъ Маркеллъ.

— Видишь-ли, голубокъ,—сказалъ онъ, поглаживая старчески—сухой, морщинистой рукою серебряную бороду,—оно, можетъ, тутъ особливо большого грѣха и нѣтъ, ну а суеты—предовольно. А оно, пожалуй, лучше, и не вязнуть въ ней, въ суетѣ—то. А то какъ разъ, пожалуй, и съ головой затянетъ. Вотъ оно что... Сегодня, скажемъ, чаекъ, завтра табачекъ,—все, вишь, тѣлу да тѣлу, плоти бренной улада-то, а душѣ-то ничего и не приходится. Про душу-то мы и забываемъ. Такъ вотъ, гляди, незамѣтно и запутаешься въ сѣтяхъ то дѣвольскихъ. Такъ-то, дружокъ...

Онъ помолчалъ.

— А что касемо того, что и наши старообрядцы чайкомъ-то балуются—заговорилъ онъ вновь, вспомнивъ брошенный мною упрекъ,—что и наши нонѣ за новымъ да за мірскимъ погнались, такъ это ты, дружокъ, вѣрно сказалъ. О-хо-хо-о-о... Силенъ врагъ—отъ... Прежде отцы—то наши яко столпы непоколебимые въ древлецерковномъ благочестіи стояли, а нонѣ во всемъ пошло большое шатаніе и

пестрота. Ослабъ, больно ослабъ Христовъ-отъ на-
родушко.

Грустно поникла серебряная голова и, казалось,
набѣжало легкое облачко и бросило скорбную тѣнь
на свѣтлое лицо.

Сурово нахмурившись, сидѣла мать Зиновія.

Слѣпая Еликонида печально покачала своей чер-
ной монашеской шалочкой и глубоко вздохнула:

— Господи помилуй! Послѣднія времена прибли-
жаются, времена искушительныя да гонимыя!

Жуткій страхъ и безпомощная растерянность от-
ражались на ея морщинистомъ лицѣ.

Афанасій Авдѣичъ кашлянулъ.

— Тоже, вѣдь, на міру живемъ, не въ затворѣ,—
застѣнчиво сказалъ онъ, оправдывая „ослабшихъ“.—
Не всегда, значить, собой управить-то можемъ, а ку-
да, значить, люди, туда и мы.

Отецъ Маркеллъ, поднявъ голову, взглянулъ
на него.

— И это вѣрно, голубокъ,—согласился онъ,—и
это вѣрно. Много, охъ, много на міру соблазновъ-то...
Трудно человѣку устоять супротивъ нихъ да сохра-
нить душу чисту, вѣру неповрежденну. Трудно. Ну,
а съ міромъ-то разстаться еще труднѣе. Держить
онъ, міръ-отъ, крѣпко держать... Многоразличными
узами держать: Тамъ служба, тамъ семья, тамъ бо-
гатство, тамъ иное прочее что.

— Ну, а кто укрѣпится духомъ и превозможетъ
эти узы-то, да съ матерью-пустынѣй спознается,
тотъ истиннаго счастья и душевнаго покоя достигаетъ.

Тихую, неторопливую рѣчь старика слушали съ
глубокимъ, почти благоговѣйнымъ вниманіемъ.

Афанасій Авдѣичъ сидѣлъ, понурившись и, вѣроятно, думалъ о тѣхъ „многообразныхъ узахъ“, которыя крѣпко держали его въ міру и порвать которыя онъ былъ не въ силахъ.

— Нѣтъ ничего лучше пустыннаго житія,—продолжалъ отецъ Маркеллъ.—Только тамъ человѣкъ возвышается духомъ и воистину ко Творцу своему приближается.

И когда старикъ заговорилъ о пустынѣ, тотчасъ краснорѣчиво сказалась его глубокая привязанность къ ней и любовь. Лицо его озарилось, какъ внутреннимъ свѣтомъ, нѣжной, мечтательной улыбкой, ясные глаза восторженно смотрѣли куда-то вдаль и онъ едва ли видѣлъ и насъ и окружающую обстановку.

Потомъ онъ обвелъ насъ глазами и сказалъ:

— А только и въ пустынѣ безъ руководія тоже невозможно жить: уныніе находитъ и тоска великая. Добро въ пустынѣ молитва, псалмы, руководіе да чтеніе. Тогда больно красно да весело жить.

— А не страшно одиночество-то пустынное?—спросилъ я.

— А кого же бояться-то, дружокъ?—удивился отецъ Маркеллъ.—Хищнику отъ пустынножителя взять нечего, отъ звѣря лѣсного его стѣны ограждаютъ, отъ лукаваго—молитва. Въ сказаніяхъ о древнихъ пустынникахъ и подвижникахъ вонъ говорится, что и со звѣремъ-то хищнымъ они въ дружбѣ жили, изъ своихъ рукъ кормили ихъ. Нѣтъ, голубокъ, въ пустынюшкѣ не страшно. На міру много страшнѣе: тамъ тебя на каждомъ шагу искушенія да душепагубныя напасти подстерегаютъ.

Мать Зиновія посмотрѣла на остатки нашего пиршества и всплеснула руками:

— Ой, отецъ, заслушалась тебя да и про все позабыла!

И она, теперь уже безъ помощи Афанасія Авдѣича, унесла на кухню значительно облегченный столъ.

Афанасій Авдѣичъ задумчиво мѣшалъ въ очагѣ желѣзной кочергой, поднимая цѣлые снопы искръ.

— Въ пустынь и молитва-то къ Богу доходчивѣе,—сказалъ онъ, вспоминая, вѣроятно, домашній гамъ, отрывавшій отъ молитвы.

— Почему же такое преимущество молитвъ пустытника?—спросилъ я.—Развѣ на „міру“ понапрасну молятся?

— Оно конечно, для Господа Бога все равно,—отвѣтилъ за него отецъ Маркелль,—мірянинъ ли молится, или инокъ. Нигдѣ не прописано, чья молитва угоднѣе. Однако же и на счетъ молитвы намъ знаменіе дано, указано, какая молитва доходитъ.

— По какому же признаку узнать, что молитва услышана?—заинтересовался я, подвигаясь поближе къ старику.

Сухонькая, рука легла мнѣ на плечо.

— На это, Сергѣюшко, самъ Христось-батюшко намъ указаніе далъ,—отвѣтилъ отецъ Маркелль.—Что онъ сказалъ?—спросилъ старикъ, внимательно и ласково посмотрѣвъ на меня. И тотчасъ же самъ отвѣтилъ:

— Онъ сказалъ: „идѣ-же два или три собрани о имени моемъ, ту есть посреди ихъ и азъ“. Во-о-отъ... Теперь слушай...

Онъ снялъ руку съ моего плеча.

— Въ природѣ человѣческой,—началь онъ съ значительнымъ, пожалуй, даже строгимъ выраженіемъ лица,—соединены три естества.

Первое,—правой рукой онъ пригнулъ указательный палецъ лѣвой,—душа. Второе,—сказалъ онъ, склонивъ немного набокъ голову и пригибая средній палецъ,—тѣло и третье—умъ. Разумѣешь?

И вотъ, когда человѣкъ такъ молится, что ни умъ, ни душа его не витаютъ въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ, но вкупѣ съ тѣломъ въ пламенной и усердной молитвѣ пребываютъ, тогда-то вотъ самъ Христосъ-Свѣтъ незримо тутъ присутствуетъ и ту молитву слышитъ. Ибо тутъ „три собрани о имени его“. Понялъ, дружокъ?

Я утвердительно кивнулъ головой, ожидая продолженія, но въ это время мать Зиновія пришла съ кухни съ прялкой.

— Управилась, слава Христу,—удовлетворенно сказала она, усаживаясь.—Только вотъ дровецъ-бы къ завтраму наколоть еще: веѣ сожгли колотые-то. Афанасьюшко, родимый мой,—обратилась она къ нему,—послужи ужъ намъ убогимъ, поколи дровецъ-то маленько.

— Ладно, мать, не безпокойся, все сдѣлаю, -- отвѣтилъ Афанасій Авдѣичъ.

Отецъ Маркеллъ сидѣлъ погруженный въ думу.

— Великую силу имѣетъ молитва.—заговорилъ онъ вновь, отрываясь отъ своихъ думъ,—великую силу, милые мои. Священно-инокъ Дорофей такъ поучаетъ насчетъ молитвы. „Ежели“,—говоритъ онъ,—„кто молитву Ісусову глаголетъ непрестанно, якоже дыханіе изъ ноздрей исходитъ, то по первомъ лѣтѣ вселится въ него Духъ Святый, по другомъ же лѣтѣ

внидетъ въ него Христось, Сынъ Божій, по третімъ же лѣтѣ приидетъ къ нему Отець. И вшедъ въ него, обитель въ немъ сотворитъ Святая Троица. И пожретъ молитва сердце человѣку тому и сердце пожретъ молитву. И начнетъ клицати непрестанно сію молитву днемъ и нощію и будетъ свободенъ человѣкъ той отъ сѣтей вражіихъ“.

Старикъ замолкъ и наступила тишина, нарушаемая лишь мѣрнымъ жужжаньемъ веретена матери Зиновіи да тихимъ потрескиваньемъ догорающихъ углей въ очагѣ.

Чѣмъ больше знакомился я съ отцомъ Маркеломъ, тѣмъ больше онъ мнѣ нравился.

Привлекала къ нему и его добродушная и въ то же время мудрая простота и безыскусственность, и его глубокая, трогательная вѣра, и, наконецъ, его мягкая терпимость и снисходительность, — качества, столь, обыкновенно, рѣдкія среди фанатичныхъ почти до жестокости и слѣпо преданныхъ буквѣ учителей старообрядчества.

Онъ прошелъ длинный рядъ лѣтъ и, думается испыталь не мало притѣсненій, какъ и всякій, вѣровавшій не по казенной указкѣ.

И всетаки не очерствѣлъ, не ожесточился, не замкнулся эгоистически въ собственномъ лишь спасеніи и его очищенная и окрѣпшая въ горнилѣ страданій душа и на склонѣ его жизни оставалась дѣтски-довѣрчивой и любвеобильной.

И слова обращенія у него были особенныя, дышавшія теплою любовью и неподдѣльной лаской: „дружокъ“, „голубокъ“, „миленькій“.

IV.

— Сходить, ино, поколоть дровецъ-то,—поднялся съ лавки Афанасій Авдѣичъ.—Да за однимъ ужъ и дорожку къ колодчику прочистить. А то, смотрю, совсѣмъ вы запали.

— Сходи-ка, сходи, родимый мой,—одобрила мать Зиновія, крутя веретено своими крѣпкими, суховатыми пальцами.—Хорошо сейчасъ робить-то: свѣтло на улѣ-то, ровно днемъ.

— Гдѣ у васъ топоръ-то?—спросилъ Афанасій Авдѣичъ, одѣвая на кухнѣ кафтанъ.

— Тамъ, около „домовины“ на лавочкѣ лежитъ. А метелка съ лопатой—у полѣнницы.

— Ладно, найду,—донеслось уже изъ сѣней.

Скоро со двора слышались удары,—то глухіе, когда топоръ попадалъ въ сучковатое, неподатливое полѣно, то звонкіе, когда встрѣчались сухіе и прямые, легко коловшіеся сосновые дрова.

Мое вниманіе давно уже привлекали лежавшія на аналоѣ книги, въ потемнѣвшихъ отъ времени и рукъ усердныхъ читателей переплетахъ, замкнутыхъ массивными мѣдными застѣжками.

— Можно посмотрѣть?—обратился я къ матери Зиновіи.

— Отчего нельзя? Посмотри, родимый мой, посмотри,—разрѣшила она.—Только темно тебѣ, поди, будетъ съ одной-то лампадой? погоди ужъ, я тебѣ еще свѣчечку затеплю.

Она тяжело поднялась и, положивъ бокомъ на скамью прялку, съ воткнутымъ въ куделю пузатымъ веретеномъ, зажгла отъ лампадки вправленную въ

мѣдный подсвѣчникъ желтую восковую свѣчу и поставила на стоявшій въ уголкѣ маленькій столикъ.

— Садись-ка вотъ сюды,—предложила она.

Тоненькая свѣчка скупо освѣщала столъ.

— А лампочку нельзя зажечь?—спросилъ я.

Мать Зиновія строго посмотрѣла на меня и я почувствовалъ, что допустилъ какую-нибудь безтактность.

— Не держимъ мы лампу-то, родимый мой,—холодно отвѣтила она, поджимая губы.

— Почему?

Вмѣсто отвѣта мать Зиновія взяла съ аналая одну изъ книгъ и долго что-то искала въ ней, перекидывая толстые, погнутые внизу, листы. Потомъ подала мнѣ раскрытую книгу.

— Вотъ, почитайкосъ, родимый мой, что тутъ про лампу-то написано,—показала она сухимъ пальцемъ нужное мѣсто.

Я прочелъ вслухъ:

„Въ коимъ дому огненный змій зельный и бурный, огонь сатанинъ лампа. въ коимъ дому случится мертвецъ, въ томъ дому погребеніе не пѣть, гробъ не дѣлать и могилу не копать, а сволочить въ ровъ, аки пса смердящаго“...

— Вотъ оно что за лампу-то полагается,—наставительно качнула головой старуха.—Обойдись ужъ, родимый мой, лучше восковушечкой. Пчелкина-то жертва—она куды какъ хороша: не примѣнишь, небось, къ вашему-то смрадному огню.

Возражать не приходилось и я усѣлся за столикъ.

Книга, предлагавшая столь суровую эпитимію за употребленіе керосиновой лампы, называлась „Цѣль небесная“. Она была печатана не типографскимъ спо-

собомъ, а рукой какого-то трудолюбиваго переписчика, по всей вѣроятности, скитскаго отшельника. Многочисленные, оригинальные заставки и рисунки въ старинно-русскомъ стилѣ, безъ пропорціи и перспективы, грубо-откровенные и въ то же время наивные, — украшали славянскій текстъ.

На одномъ изъ рисунковъ изображалась „Трапеза благочестивыхъ и нечестивыхъ“. Благочестивые — четыре человѣка — закусывали въ верхнемъ этажѣ разрѣзаннаго по фасаду дома, украшеннаго башенками, колонками и орнаментами. За столомъ, довольно скуднымъ, прислуживалъ мальчикъ въ длинной сиреновой рубашкѣ, зеленыхъ шароварахъ и желтыхъ сапогахъ. Позади трапезовавшихъ, незримо для нихъ, стоялъ ангелъ въ ярко-красной одеждѣ. Надъ куполообразной крышей, въ верхнихъ углахъ рисунка, отгороженныхъ нестрыми облаками, похожими на бумажные цвѣты, были изображены: въ правомъ углу Христосъ, въ лѣвомъ — солнце, ярко-красное, съ человѣческимъ лицомъ.

Грѣшники — трое мужчинъ и двѣ женщины, въ русскихъ костюмахъ XI—XII столѣтія — устроились въ нижнемъ этажѣ и, повидимому, несравненно лучше, чѣмъ праведники. На столѣ, сервированномъ гораздо богаче, чѣмъ у благочестивыхъ, виднѣлось много яствъ и стояли солидные бокалы для напитковъ. По столу разгуливали, невидимые для пировавшихъ, лиловые черти, причемъ одинъ изъ нихъ, самый маленькій, безъ церемоніи усѣлся на край солонки для отправленія естественной потребности. Слухъ пирующихъ услаждали двое музыкантовъ. Плачущій ангелъ робко жался въ прихожей.

На другомъ рисункѣ какой-то большебородый муж-

чина подносилъ ко рту чашку съ „неблагословленной“ пищей, а сверху, невидимо для него, сыпалъ въ кушанье какую-то дрянъ чертъ, опять таки лиловый.

Дальше попалась „чѣкая жена, утаившая грѣхъ на исповѣди“. Она явилась въ „сонномъ видѣніи“ своему духовному отцу и наглядно показала, какія мученія полагаются на томъ свѣтѣ за легкомысленное отношеніе къ исповѣди: къ ея нагой груди присосались двѣ огромныя, черныя змѣи и висѣли, какъ плети.

Очень любопытенъ былъ по своему наивному простодушію рисунокъ, изображавшій райское дерево, съ необыкновенными листьями и цвѣтами и сидящими на вѣтвяхъ птицами. Славянская надпись вверху гласила: „птиці райскія вѣспѣвають“.

Я такъ увлекся разсматриваніемъ интересныхъ, типичныхъ для духа старообрядчества рисунковъ, что совсѣмъ позабылъ и о собесѣдникахъ и о томъ, гдѣ нахожусь.

Низкій голосъ матери Зиновіи вернулъ меня къ дѣйствительности.

— Ты, родимый мой, чѣмъ одному-то про себя смотрѣть, лучше бы для всѣхъ почиталъ,—сказала она,—а мы бы послушали.

Неожиданное предложеніе меня смутило. Я боялся, что моя манера читать можетъ показаться здѣсь совершенно неподходящей, даже дикой и только испортить настроеніе.

— Не умѣю, вѣдь, я по вашему-то читать,—отговаривался я.

— Что-жъ, голубокъ, и по нашему также читаютъ, какъ и по вашему, добродушно пошутили

отецъ Маркелль.—Ничего, Сергѣюшко, не конфузся, мы люди простецкіе. Почитайкъ намъ старымъ да убогимъ.

Я сдѣлалъ послѣднюю попытку уклониться:

— Вѣдь оба же вы съ матерью-то Зиновіей грамотные и навѣрно ужъ не однажды всѣ эти книги перечитали.

— Это ничего, дружокъ, не препятствуетъ,—съ мягкой настойчивостью возразилъ старикъ.—Чтеніе божественныхъ книгъ никогда, другъ, не вредитъ, всегда оно благовременно. Священно-инокъ Дорофей такъ поучаетъ на этотъ случай: „прослушаніе со вниманіемъ и усердіемъ святыхъ книгъ божественнаго писанія царствуетъ надъ всѣми добродѣтелями и одесную Бога поставляетъ человѣка“... Такъ-то, миленькій... А что грамотны мы—это вѣрно, другъ, да только глаза-то у насъ, вишь, больно плохіе стали, износились совсѣмъ: не видятъ при огнѣ-то. Вотъ оно что. Послужки ужъ маленько, голубокъ.

Отецъ Маркелль поднялся и, взявъ съ аналоя толстую книгу, подалъ мнѣ.

— Почитайкъ вотъ эту. Хорошая книга, учительная,—похвалили онъ.

Я прочиталъ въ заголовкѣ „сія книга, глаголемая“ „Цвѣтникъ“ священно-инока Дорофея, печатана въ Варшавѣ, въ лѣто 7298 (т. е. 1790 году).

„О, любимый мой прочитателю“, говоритъ авторъ въ предисловіи, видимо подражая стилю прологовъ, си-наксарей и патериковъ, „хощени ли, покажу ти такову вещь, яже честнѣе чистаго злата и сребра, и многоцѣннаго бисера, и каменій драгихъ. Ничимъ же бо можеша обрѣсти и купити царствія небесна иго

будущія радости и покоя, точію сею вещью, еже есть прочитаніемъ наединѣ и послушаніемъ со вниманіемъ и усердіемъ святыхъ книгъ божественнаго писанія. Нѣсть мощно, нѣсть кому спастися, не часто прочитающу богодухновеннаго святаго писанія. Якоже бо птица безъ криль не можетъ на высоту возлетѣти, тако и умъ не можетъ домыслити сея безъ книгъ, како спастися“.

„Якоже магнитъ камень привлечь желѣзо къ себѣ, тако привлечетъ книга сія въ любовь божію чтущихъ ее. Якоже адамантъ камень крѣпокъ ествомъ, тако сія книга утвердитъ душу чтущихъ ее, и якоже измарагдъ камень чиститъ очи тѣлесныя, тако очиститъ книга сія очи умныя и совѣсть душевную. и чувства душевныя и тѣлесныя, понеже, якоже въ зеркалѣ зрится лица человѣческаго благообразіе и злообразіе, тако зрятся въ книги сей добродѣтели и страсти благодатию Христовою, ему же слава со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, прежде бѣ и нынѣ и присно и вѣки вѣкомъ аминь“.

Я остановился и посмотрѣлъ на своихъ слушателей.

Отецъ Маркеллъ сидѣлъ въ позѣ, выразившей глубокое вниманіе, склонивъ набокъ свою серебряную голову и опустивъ глаза.

Мягче стало выраженіе темныхъ глазъ матери Зиновіи и какъ будто сгладилась суровая складка между бровей.

Старая Еликонида совсѣмъ растрогалась и, судя по нервнымъ подергиваніямъ уголковъ рта, была близка къ слезамъ.

Я оглянулея кругомъ и опять, какъ раньше, когда подходилъ къ скиту, подумалъ:

— Сказка!

Да, сказка. Еще нѣсколько дней тому назадъ я находился въ большомъ, многолюдномъ и шумномъ городѣ, былъ тамъ, гдѣ ключемъ била жизнь, гдѣ кипѣла жестокая борьба, проявлявшаяся въ безконечно разнообразныхъ формахъ и самъ участвовалъ въ этой борьбѣ.

И, вотъ, какъ будто какой-то волшебной силой я переброшенъ въ этотъ забытый, тихій уголокъ, Передо мной отдернулся краешекъ завѣсы прошлаго и я воочию вижу старую Русь, нахожусь въ обстановкѣ шестнадцатаго столѣтія.

Спасибо старообрядчеству: упорно, съ огромными жертвами и цѣлымъ рядомъ мученическихъ подвиговъ, оно на протяжении почти трехъ вѣковъ отстаивало нашу самобытность и святую старину и нерушимо сохранило намъ драгоценнѣйшіе живые памятники древне-русского уклада жизни...

— Можетъ быть, еще почитаешь, родимый мой? — попросила меня мать Зиновія.

— Да, да.

Перекинувъ нѣсколько страницъ, я остановился на великихъ заповѣдяхъ Нагорной Проповѣди.

— „Блаженни нищїи духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное“, — началъ я и самъ удивился тому восторженному, почти экстатическому настроенію, которое охватило меня при чтеніи первыхъ же, обязательно глубокихъ и въ то же время простыхъ словъ. Чѣмъ и какъ создалось это необычное настроеніе, я не знаю, но мнѣ казалось, что набѣжала какая-то мягкая волна, подхватила меня и высоко подняла на своемъ гребнѣ.

— „Блаженни плачущїи, яко тїи утѣшатся“.

— Плачущи... угнаться...—благоговѣйно, всѣмъ своимъ существомъ выражая молитвенный порывъ, повторила слѣпая Еликонида и ея сухое тѣло затряслось отъ беззвучныхъ рыданій.

Но это были сладостныя слезы, слезы умиленія глубоко растроганнаго сердца, въ предвидѣніи будущихъ радостей.

Да, самъ Христосъ говорилъ ей, бѣдной, темной, настрадавшейся старухѣ, что за все страданія перенесенныя здѣсь, за все слезы, пролитыя въ этой земной юдоли, ее ждетъ награда „тамъ“, въ вѣчной жизни, гдѣ ей уврачуютъ всякія раны, осушатъ слезы.

Какая сила кроется въ этихъ словахъ!

Почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ раздавшись съ вершины горы, они потрясли сердца слушателей, подали благодетную надежду измученнымъ, примирили обездоленныхъ съ тяжелой жизнью.

И вотъ, текли вѣка, мѣнялись понятія и идеалы, но они—эти слова вѣчной правды и любви, все также неизмѣнно ударяють по сердцамъ,—все также врачуютъ души страдальцевъ, также облегчаютъ тяжелое бремя жизни.

Но дальше, дальше...

Пусть листъ за листомъ раскрывается книга, пусть шире и ярче развертывается старая сказка!

Передъ нами стоитъ суровый аскетъ и непреклонный столпъ старой вѣры, инокъ Дорофей, и, напоминая о бренности и суетности всего земного, зоветъ къ мученическому подвигу.

„Нынѣ“,—говоритъ онъ,—„время плача и рыданія слезнаго, со сладостію и радостію, о душе моя, аще хочещи истинно спастися, возлюби скорби, якоже

покой любила еси. Живи на всякъ день умираючи, скоро бо переходитъ житіе наше, яко стѣнь облачна передъ солнцемъ и безъ вѣсти бываетъ. Дніе живота нашего яко дымъ на воздухѣ разливаются“.

Но уже изнемогаетъ даже и твердый духъ въ тяжкихъ испытаніяхъ и бѣдствіяхъ. Скорбный вопль раздается изъ устъ малодушныхъ. Нужно ихъ поддерживать твердымъ и теплымъ, ободряющимъ словомъ. И въ суровомъ голосѣ инока Дорофея слышатся мягкія ноты отца, успокаивающаго дѣтей.

„Терпимъ, терпимъ лютыя и жестокия скорби царствія ради небеснаго и жизни ради вѣчныя. Елико тѣло изнемогаетъ человекъ Бога ради, толико душа его сильна бываетъ и освящается. Аще бо кто Бога ради скорбная терпитъ, той и радостная получить“...

„Слышала ли еси реченное, о душе моя, како святіи пожиша? Охъ, увь, душе моя, поне мало симъ подражай“.

Но недостаточно уже словъ, нужно показать примѣръ великаго, увлекательнаго подвига, нужно показать ничтожность страданій тѣхъ, которые изнемогаютъ подъ ихъ бременемъ.

Тогда инокъ Дорофей беретъ поражающій примѣръ подвига.

„Вспомяни, душе моя, святыхъ отецъ пребываніе и подвиги, и воздохни и прослезися о своемъ нерадѣніи“.

„Слыши паки подробну, что глаголю, о душе моя! Воспомяни онаго старца, иже бѣ затворивъ себѣ мужественнѣ и терпѣливнѣ въ келіи своей и пребываше, не исходя изъ келіи своей лѣтъ двадцать и вящше. Паче же и прикованъ на цѣпи баше, якоже

скоть безсловесный и окованъ вездѣ желѣзомъ тяжкимъ, ядяше же единова днемъ зѣло сухотну пищу, и не умолче языкъ его въ молитвѣ дню и нощю, якоже смочаше потомъ и мѣсто, идѣже я стояше на молитвѣ“.

„Такоже и ученикъ его бяше на цѣпи и окованъ желѣзомъ тяжкимъ всюду, дондеже и ребра его претрошася отъ толикія тяжести и крови текущи довольно. Нозѣ же ему бѣстѣ затекше и разсѣдшеся и пасокѣ текущи изъ нихъ, якоже ужасно бяше и зрѣти. Ядяше единова днемъ и зѣло сухотно тѣло ему бѣяше, якоже точію кости и жилы“.

Выскользнуло изъ рукъ матери Зиновіи и стукнуло о полъ давно забытое веретено.

Старуха глубоко вздохнула и подняла подернутые влажнымъ блескомъ, темные глаза.

— Вотъ ты, мать Еликонида,—обратилась она къ слѣпой,—все плачешься да жалуешься на скитскую-то тяготу. А слышишь, какъ святыя-то страдали? Велики ли наши-то съ тобой подвиги?

— Слышу, матушка, слышу,—всхлипнула Еликонида.—Согрѣшила я, окаянная, возроптала...

— То-то вотъ и оно... Почаще надо намъ съ тобой вспоминать про мученическіе-то подвиги. А то силенъ врагъ-отъ...

Еликонида покаянно качала головой.

— „Да, пожалуй, что мученическими подвигами держалось и крѣпло старообрядчество“,—подумалъ я и спросилъ отца Маркелла:

— Что, если бы на старую вѣру не было гонений? Сохранилась ли бы она въ чистотѣ? Не раство-

рилась ли бы постепенно и незамѣтно старообрядчество въ церкви государственной?

Старикъ подумаль.

— Нѣтъ, дружокъ, — увѣренно отвѣтилъ онъ, — не должно этого быть. Правда, врагъ рода человѣческаго многообразно искушаетъ. Ежели, скажемъ, гоненія не только не помогаютъ, но напротивъ того, еще больше въ истинной вѣрѣ укрѣпляютъ христіанъ, такъ онъ, врагъ-отъ, возьметъ да и ослабу дастъ. Посмотрю, дескать, не попадутся ли на эту уловку, не облѣнятся ли, не позабудутъ ли по маленьку отеческіе-то завѣты?

Ну, малодушные-то, бываетъ, что и соблазняются, а крѣпкіе-то съ божьей помощью преодолеваютъ и эти діавольскія злохитростныя лукавства и крюки.

О-хо-хо, — вздохнулъ отецъ Маркеллъ, — не дремлетъ врагъ-отъ. Въ тихое-то время, голубокъ, надлежитъ намъ особливо бодрствовать и всегда помнить слово Господне: „блюдите убо, како опасно ходите“.

Съ улицы шумно вошелъ наработавшійся Афанасій Авдѣичъ.

Весь пышущій силой и здоровьемъ, онъ казался слишкомъ громоздкимъ и будничнымъ и спугнулъ настроеніе.

— Ну, мать, — обратился онъ къ Зиновіи, усаживаясь на лавку и распространяя запахъ пота отъ смокшей на спинѣ и подъ мышками рубашки, — дровъ накололъ вамъ безъ малаго сажень. Теперь надолго хватитъ.

— Спаси те Христось, родимый мой, — отвѣтила Зиновія, поднимая упавшее веретено и принимаясь за пряжу. — Теперь, слава Богу, опять безъ заботы.

Афанасій Авдѣичъ опять разулся, старательно приставивъ валенки къ теплой стѣнкѣ очага.

— Ахъ, хорошо сколь на улѣ-то стало!—восхищался онъ.—Тихо да свѣтло, ровно днемъ. Пойди-ка да прогуляйся,—посовѣтоваль онъ мнѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, это было очень заманчиво—быть одному въ лунную ночь въ старомъ, заснувшемъ лѣсу.

— Вы еще долго не ляжете?—спросилъ я у матери Зиновія.

— Посидимъ еще, родимый мой, посидимъ,—успокоила она меня.—Ничего, погуляй, батюшко, погуляй... А въ случай чего, если и уснемъ, такъ двери-то не закроемъ. Теперь у насъ охранитель есть,—улыбнувшись, показала она на Афанасія Авдѣича.

Я одѣлся и вышелъ.

V.

Первое, что бросилось мнѣ въ глаза,—былъ незамѣченный мною раньше, въ сумеркахъ, небольшой могильникъ, теперь облитый меланхолическимъ луннымъ свѣтомъ.

Подъ широкой сѣнью темно-пушистыхъ старыхъ кедровъ приютились восемь могилъ.

Темные, почти черные великаны-деревья; полузасыпанные зеленоватымъ въ лунномъ освѣщеніи, искрящимся снѣгомъ, могилы; черные голубцы и осьмиконечные кресты надъ ними; и глубокое безмолвіе ночи и смерти,—все это создавало необыкновенную картину. полную задумчиво-скорбной красоты.

Восьмеро изъ приходившихъ сюда—можетъ быть прибитые къ „островку“ мірскими бурями обломки—нашли здѣсь ничѣмъ ненарушимый покой.

Кто они — эти успокоившіеся здѣсь, — бѣлые, четко выдѣлявшіеся на черномъ фонѣ крестовъ, славянскія надписи мало говорили. „Рабъ Божій Артемонъ“, „рабъ Божій Іоасафъ“, „странникъ Іоаннъ Мяконъ-кихъ“ — и только...

Можетъ быть, вотъ этотъ Іоаннъ Мяконъкихъ, съ раннихъ лѣтъ отравленный сладостнымъ религіозно-мистическимъ ядомъ, не могъ ужиться въ обычной обстановкѣ, гдѣ служить и Богу и маммонѣ, не могъ удовлетвориться однѣми лишь мертвыми живой духъ виѣшними формами вѣры.

И бросивъ домъ, онъ страстно искалъ Бога, переходя съ мѣста на мѣсто, отъ одного толка къ другому, и вся жизнь его была рядомъ религіозныхъ этаповъ, съ послѣднимъ, заключительнымъ этапомъ въ этомъ лѣсу. И лежитъ онъ здѣсь, безпокойный богоискатель, и ждетъ „трубна гласа“.

А въ мозгу змѣится пугающая мысль: — „когда-нибудь, а можетъ быть и очень скоро, и я буду также лежать, безмолвный и безучастный ко всему, что еще наканунѣ было полно для меня огромнаго интереса“... И такъ страшно подумать объ этомъ, и такъ странно представить міръ безъ себя!

Но пока я еще живъ. Я живъ! Объ этомъ громко кричитъ каждый мой нервъ. Я живъ еще, и могу любоваться захватывающей красотой сѣверной ночи.

А ночь... Господи, какая дивная, величавая красота!

На совершенно ясномъ, безоблачномъ небѣ сіяла серебряно-желтая луна, все заливая своимъ успокоительнымъ свѣтомъ, все чудодѣйственно превращая въ волшебную феерію — и деревья, и снѣгъ, и скитъ. Но ея блескъ не былъ нагло-кричащимъ, не привле-

каль къ ней исключительнаго вниманія,—она была уже въ порядочномъ ущербѣ.

Я поднялъ глаза къ небу и замеръ въ молчаливомъ восторгѣ.

Въ темно-голубомъ, пронизанномъ неувовимо-тонкимъ и нѣжнымъ свѣтомъ, пространствѣ мерцали безчисленныя, безконечно-далекія, манящія къ себя звѣзды. Вотъ она—царственная риза Господня! „Одѣяйся свѣтомъ, яко ризою, простираяй небо, яко кожу“.

Вонъ, подобно громадному опрокинутому ковшу, украшенному семью брилльянтами неслыханной цѣнности и красоты, горитъ семь звѣздъ большой Медвѣдицы. При видѣ ихъ всплыли въ памяти слова книги Іова: „сотворилъ Асъ, Кесиль и Хима“, Вонъ болѣе тусклая Малая Медвѣдица, со своей, горячей почти въ зенитѣ, Полярной Звѣздой, путеводительницей древнихъ путешественниковъ. Какъ далекіе маячные огни, трепетно сіяютъ Три Короля въ созвѣздіи Оріона,—„Кичиги“, какъ ихъ зовутъ въ народѣ. Вправо отъ нихъ, нѣсколько повыше, неувовимо переливаются, какъ будто пляшутъ въ морозномъ воздухѣ Плеяды,—„Утиное Гнѣздо“ по народной астрономіи. Ярko горитъ холоднымъ бѣлымъ свѣтомъ страшно далекая, гордая красавица Вега. Съ ней соперничаетъ блестящій Арктуръ Волопаса. Но ярче всѣхъ звѣздъ и всѣхъ прекраснѣе сіяетъ чуть-чуть голубоватымъ свѣтомъ царственно-величавый Сиріусъ.

И черезъ весь дивный голубой куполъ небеснаго свода раздваивающейся туманной полосой проходитъ Млечный Путь, со своими безмѣрно далекими, неисчислимыми солнцами.

А посреди этой безграничной сіяющей бездны мірового пространства одиноко несется наше солнце и около него, между прочимъ, болтается маленькая, ничтожная планетка, съ ея заносчивыми, самовлюбленными паразитами, считающими себя царями природы!.. „Бездна, яко риза, одѣяніе ея!...“

Какимъ безконечно малымъ атомомъ, ничтожной песчинкой чувствуешь себя передъ подавляющимъ величіемъ этой бездны, и какъ тускнуть и кажутся до смѣшного мелочными, въ сравненіи съ ней, обычные житейскіе интересы.

Эта бездна, съ разсѣянными въ ней безчисленными мірами, неудержимо влечетъ къ себѣ. И страстно хочется унестиcя туда, въ сверкающее безпредѣльное пространство и узнать все, что находится за границами нашего младенчески-бессильнаго познанія.

Я часто смотрю на небо,— и зимой и лѣтомъ.

Но всегда почему-то больше привлекаетъ меня къ себѣ и краснорѣчивѣе говорить о безконечности— зимнее небо. Можетъ быть торжественное безмолвіе зимней ночи больше способствуетъ необходимому созерцательно-философскому настроенію, отъ котораго отвлекають и тянутъ къ землѣ тысячи звуковъ и ароматовъ лѣтней ночи.

Подумать только, сколько милліоновъ глазъ поднималось съ вопросомъ къ звѣздамъ и глаза эти давно закрылись—потухли, но разгадавъ тайны неба, а звѣзды по-прежнему горятъ, по-прежнему полны тайны!

Но милліоны людей жили и живутъ, совсѣмъ не замѣчая этой вѣчной красоты, не поднимая глазъ выше крышъ своихъ домовъ и церковныхъ колоко-

лень. Милліоны жили и живутъ, замкнувшись въ тѣсномъ и жалкомъ кругѣ практическихъ интересовъ и обывательскихъ идеаловъ и тянутъ свою скучную мѣщанскую жизнь до гробовой доски.

И ни одного яркаго, красочнаго пятна въ этой однообразно-сѣрой, какъ ненастное небо, жизни. Служба, приличные знакомства, карты, „семейный уютъ“, приличное общественное положеніе и въ концѣ концовъ—приличная надпись на приличномъ могильномъ камнѣ. О, не завидую я имъ!...

Лѣсъ, еще недавно, въ сумеркахъ, такой непривѣтливый и угрюмый, сталъ сказочно-прекраснымъ въ лунномъ освѣщеніи, съ его поразительными контрастами свѣта и тѣни.

Какъ черныя колонны волшебнаго дворца—высились могучіе прямые стволы кедровъ и сосенъ, отбрасывая на снѣгъ темныя, ломающіися тѣни. Сквозь ихъ густыя вѣтви кое-гдѣ просачивался лунный свѣтъ.

Четкими конусами рисовались на темно-голубомъ фонѣ неба вершины елей и пихтъ.

Иногда лунный лучъ падалъ на березовый стволъ и тотъ, призрачно бѣлѣя, обрывался и утопалъ въ глубокой непроницаемой тѣни. А тамъ, гдѣ тонкія верхнія вѣтви березъ находились между глазомъ и луннымъ свѣтомъ, онѣ, стражая блѣдный лучъ, казались блестящей паутиной.

Снѣжная полянка была подобна пушистому, зеленовато-бѣлому ковро, украшенному фантастическимъ рисункомъ черныхъ бархатныхъ тѣней и усыпанному разноцвѣтными блестками.

Медленно, стараясь не шумѣть, пошелъ я по лѣсной дорожкѣ. Ибо всякій обычно-человѣческій и такой

чуждый лѣсу звукъ—казался кощунственнымъ въ этомъ величавомъ молчаніи ночи. „Бѣлое безмолвіе“,— вспомнилось мнѣ.

Тамъ и сямъ, по бокамъ дорожки и на попадавшихъ по пути лѣсныхъ полянкахъ—встрѣчались молоденькія елочки и пихты, наивно высовывавшія изъ снѣжныхъ сугробовъ свои вѣтки. Обремененныя тяжелыми хлопьями снѣга, онѣ походили на декорированныя ватой рождественскія елки.

Я шелъ и внимательно смотрѣлъ на снѣгъ и лѣсъ, стараясь прочесть таинственную книгу лѣсной жизни.

Вотъ заячій слѣдъ. Сначала спокойный, съ правильно повторяющимися размашистыми отпечатками большихъ, мягкихъ лапъ. Но, вотъ, должно быть, что-то испугало зайца и въ безумномъ страхѣ онъ сдѣлалъ гигантскій прыжокъ, а потомъ безтолково заметался изъ стороны въ сторону, налетая на вытянутыя лапы пихтъ и сбивая съ нихъ снѣжные хлопья. Но, вѣроятно, тревога оказалась ложной, такъ какъ дальше идетъ опять спокойный, ровный слѣдъ и теряется въ лѣсной глуши.

Вотъ легкій отпечатокъ маленькихъ лапокъ—по два слѣда рядомъ черезъ каждые два-три вершка—это неугомонная бѣлка проскакала отъ дерева къ дереву.

Опять заячьи слѣды. Они выходятъ изъ за густой поросли молодого, свѣтло—коричневаго липняка и направляются къ молоденькимъ осинкамъ. Обгрызенная во многихъ мѣстахъ кора, со свѣжими, еще не подсохшими ранами, говоритъ о томъ, что недавно здѣсь было заячье пиршество.

Около дорожки, вдоль ея, лежитъ сломленная бурей громадная лиственница, покрытая толстымъ слоемъ снѣга. Внезапная, трагическая смерть постигла ее, повидимому, давно, такъ какъ уже изгнили и торчатъ безобразными короткими обломками ея когда-то могучіе, раскидистые сучья, а въ одномъ мѣстѣ ствола даже выросла на трухлой древесинѣ молоденькая елочка. Два символа вмѣстѣ—смерти и новой жизни.

Но все-таки огромный трупъ достаточно еще проченъ, чтобы сдерживать меня. Я расчистилъ на стволѣ мѣстечко для себя, осторожно усѣлся и такъ неподвижно, въ молчаніи и безъ мыслей, сидѣлъ освѣщенный луной, сколько времени—не знаю. Но должно быть долго, такъ какъ моя тѣнь ушла на цѣлую сажень вправо отъ лежавшаго на снѣгу черного, вѣроятно оброненнаго ворономъ, пера. Да и начавшія мерзнуть руки и ноги также говорили, что я достаточно долго пробылъ въ созерцательномъ забытіи.

Я поднялся и тихо пошелъ обратно.

Въ скиту всѣ спали и только еще старецъ Маркеллъ стоялъ передъ иконами, клалъ усердные поклоны и горячо шепталъ:

— „Ослаби, остави, прости, Боже, прегрѣшенія наша вольная и невольная“.

Я улегся на приготовленную мнѣ въ кухнѣ постилку и скоро заснулъ, какъ будто погрузился на дно глубокаго пруда, убаюканный словами тихой молитвы отца Маркелла и мѣрнымъ дыханіемъ спящихъ. Уснулъ со счастливой мыслью, что завтра я буду любоваться чудеснѣйшей картиной солнечнаго восхода.

Проснулся и не могъ понять—ночь или утро.

Въ окна лился тусклый, сѣрый свѣтъ, исчезли—

сгладились свѣтовые контрасты на снѣжной полянкѣ, какъ это бываетъ раннимъ утромъ.

Все спали глубокимъ сномъ.

Я тихонько одѣлся и вышелъ на улицу.

Еще чудеснѣе, сказочнѣе сталъ пейзажъ. Луна, опрокинувшись, низко висѣла уже на западѣ, надъ темнымъ лѣсомъ, отъ котораго стлались длинные, глубокия, бархатныя тѣни.

Былъ тотъ таинственно—мистическій предутренній часъ, когда ночь уступаетъ мѣсто дню, переламывается, какъ говорятъ въ народѣ. Еще тише стало въ лѣсу, но чувствовалось, что это уже не мертвая тишина безпробуднаго сна, что лѣсъ уже просыпается и безшумно, задерживая дыханіе, присматривается къ новому дню.

Казалось, что я не одинъ, что изъ непроницаемой темной гущи лѣса кто-то смотритъ на меня огромными немигающими глазами и тихонько смѣется.

Чисто дѣтскій страхъ охватилъ меня и я быстро повернулся и проскользнулъ черезъ темный дворъ въ теплую, уютную кухню и долго лежалъ, не засыная.

VI.

Старая Еликонида не ошиблась, предсказывая наканунѣ снѣгъ. Дѣйствительно, капризная погода рѣзко переѣнилась и вмѣсто яснаго морознаго утра, съ великолѣпнымъ солнечнымъ восходомъ, какъ я рассчитывалъ вчера, пришелъ тихій и теплый ненастный день—неразсвѣтай.

Съ горъ лѣниво сползали густыя, тяжелыя облака и, низко плывя надъ лѣсомъ, безшумно роняли мягкій, пушистый снѣгъ. Медленно, какъ будто задумчиво,

падалъ онъ крупными хлопьями и, казалось, тушилъ всякій звукъ и вся природа какъ будто притихла въ лѣнливой сонной грезѣ.

Кажется Бьернсонъ, а можетъ быть и кто—нибудь другой—не помню точно—говорилъ, что когда стоишь подъ хлопьями падающаго снѣга, въ особенноти вечеромъ или ночью, то испытываешь чувство полного одиночества. Это глубоко вѣрно. Дѣйствительно, какъ будто эта бѣлая движущаяся сѣтка изолируетъ тебя отъ остальнаго міра и порой начинаетъ казаться, что ты не въ состояніи проникнуть сквозь нее.

Лѣсъ придвинулся ближе и пейзажъ, казавшійся сказочно-таинственнымъ въ волшебномъ освѣщеніи лунной ночи, теперь потускнѣлъ, сталъ проще и понятнѣе.

Со двора вышелъ Афанасій Авдѣичъ, въ одной рубашкѣ и безъ шапки.

— Ты чего, чудакъ этакой, подъ снѣгомъ—то стоишь?—кликнулъ онъ меня, сверкая изъ-подъ темныхъ усовъ ровными бѣлыми зубами.—Иди горячую картошку ѣсть, матушка Зиновія зоветъ. Вишь, вѣдь, всего засыпало.

И когда я подошелъ къ нему, онъ съ безобидной безцеремонностью сдернулъ съ моей головы замесенную снѣгомъ шапку и, отряхнувъ ее, сталъ смахивать ею хлопья снѣга съ моихъ плечъ и спины.—Ну, заходи,—отворилъ онъ двери.

Въ кухнѣ слышался аппетитный запахъ только что вынутого изъ печи хлѣба. Два большихъ коровай лежали на откидномъ столикѣ близъ печи, прикрытые сыроватымъ грубымъ полотенцемъ, „отдыхали“.

— Давайось закуси, родимой мой,—обратилась

ко мнѣ мать Зиновія, выглядывая изъ-за печи съ ухватомъ въ рукахъ.—Промаялся, поди?

— Съ чего-жъ „промяться“—то?—улыбнулся я.—Вѣдь недавно только всталъ.

— Ну какъ тоже... Съ часокъ, пожалуй, мѣста будетъ. Давай подвигайся къ столику-то.

Умывшись изъ висѣвшаго въ углу тяжелаго чугуннаго рукомойника, который долго еще послѣ того качался и долбилъ своимъ рожкомъ воздухъ, я присѣлъ къ кухонному столу рядомъ съ Афанасіемъ Авдѣичемъ.

— Опять, должно быть, намъ съ тобой однимъ придется закусывать-то,—сказалъ я ему, видя, что никто больше не садится съ нами.—Брезгаютъ, вѣроятно, хозяева-то нами?

— Вишь ты какой, все ему большую каннавію надо,—отпугутилась мать Зиновія и потомъ серьезно добавила:

— Зачѣмъ брезговать, родимой мой, это ты напрасно насъ поклепалъ. Нѣтъ, не брезгуемъ, а только рано еще намъ жеваться-то. Вотъ уже около полудня поѣдимъ.

Она поставила на столъ большую зеленую глиняную чашку, наполненную только что свареннымъ крупнымъ картофелемъ, съ потрескавшейся мѣстами шелухой и виднѣвшейся сквозь трещины бѣлой крахмалистой мякотью.

Десертомъ къ этому блюду служило сусло.

— Давай, братъ, наѣдайся хорошенько,—посовѣтовалъ мнѣ Афанасій Авдѣичъ.—Поѣдимъ, да и въ обратный путь.

— Уже?—невольно вырвалось у меня.

Жаль было такъ скоро разставаться съ этимъ интереснымъ уголкомъ, хотѣлось поближе приглядѣться къ жизни и психологiи его оригинальныхъ обитателей.

— А то какъ-же?—въ свою очередь спросилъ Афанасій Авдѣичъ, круто посыпая крупной солью очищенную дымящуюся картошку.—Дома-то дѣла-то вѣдь не ждутъ. Тебѣ хорошо, братъ, разговаривать-то: некому тебя дома-то ругать, а меня, самъ знаешь, какъ хозяйка-то точить.

Я вспомнилъ угрюмую, вѣчно нахмуренную и ворчливую жену Афанасія Авдѣича и согласился, что у него были достаточно серьезныя основанія не за-гащиваться здѣсь.

Какъ и вчера, мы отдали честь скитскому угощенію и добросовѣстно опорожнили чашки съ картофелемъ и сусломъ и, кажется, удовольствіе гостепріимной матери Зиновіи при видѣ нашего аппетита было не меньше, чѣмъ наше, когда мы уплетали вкусный завтракъ,

— Господь напитай, никто не видай, — сказалъ Афанасій Авдѣичъ, послѣ того, какъ истово помолился и степенно поблагодарилъ Зиновію за угощеніе.— Теперь опять можно биться на ряду съ голодными, — добродушно разсмѣялся онъ и погладилъ животъ.

Я прошелъ въ „горницу“, чтобы передъ отходомъ домой еще посмотрѣть на отца Маркелла, покрѣпче запечатлѣть въ памяти образъ милаго старика.

Онъ сидѣлъ у столика и читалъ, далеко отодвинувъ книгу отъ своихъ старчески-дальнозоркихъ глазъ.

— Погулялъ маленько, голубокъ?—спросилъ онъ,

откладывая въ сторону книгу и положивъ, по обыкновению, руки на колѣна.

— Да, — отвѣтилъ я и отъ души вздохнулъ: — хорошо у васъ здѣсь, такъ-бы, кажется, вѣкъ прожилъ здѣсь. А лѣтомъ-то, вѣроятно, какая благодать!

— Въ пустынюшкѣ, дружокъ, всегда хорошо, — сказалъ старикъ, — а особливо лѣтомъ. Воистину тогда всякое дыханіе хвалить Господа! И звѣрь, и птица, и букашка малая, и травинка всякая. Только слѣпы, вотъ, мы, не видимъ красоты-то Божіей, безъ разсудку губимъ да зоримъ все.

Что-то заныло во мнѣ при мысли о томъ, что вмѣсто этой красоты, вмѣсто общенія съ нетронутой природой, мнѣ придется, пожалуй, удовлетвориться лѣтомъ мѣщански-прилизаннымъ пейзажемъ города.

— А что, если бы... — началъ я и оборвалъ, не докончивъ фразы.

Но то, что я постѣснялся высказать вслухъ, легко и просто разрѣшила мать Зиновія.

Остановившись въ дверяхъ изъ кухни въ „горницу“, она обратилась ко мнѣ:

— Теперь ты узналъ къ намъ дорогу-то, родимый мой, такъ лѣтомъ прїѣзжай къ намъ. Лѣтомъ-то у насъ здѣсь больно хорошо. Да подольше погости, а не этакъ по сорочьѣ, какъ вы нонѣ съ Афанасьемъ-то повернулись.

Афанасій Авдѣичъ улыбался изъ-за плеча Зиновіи.

— Чего смѣнешся-то? — повернулась она къ нему. — Правду сказываю: разъ въ годъ бываешь, да и то на часъ.

— Эхъ, мать, — вздохнулъ тотъ и печально махнулъ рукой, — сама, вѣдь, знаешь.

Мать Зиновія посмотрѣла на него и ничего не сказала.

— Такъ, вотъ, и пріѣзжай, родимый мой,—повторила она свое приглашеніе.

— А не стѣню я васъ?—спросилъ я, чрезвычайно довольный открывавшеюся для меня возможностью вновь посѣтить „Островокъ“, да еще лѣтомъ.

— На вотъ, о чемъ тутъ разговаривать-то,—отвѣтила мать Зиновія.—Найдемъ ужъ мѣсто-то. А не поглянется со старухами жить, стоны-то наши слушать,—мы тебѣ другое мѣсто укажемъ, здѣсь же близости.

— Гдѣ?

— Около насъ же, не болѣ, какъ сажень съ двѣсти отсюда.

— Это ты, мать, про Валентининъ-то скитъ что-ли сказывалась?—спросилъ ее Афанасій Авдѣичъ:

— Про тотъ самый,—отозвалась Зиновія,—Онъ вѣдь ужъ второй годъ пустуетъ. Вотъ его и занять.

— Правильно,—согласился онъ,—лучше и не придумаешь: и въ людяхъ и на усторонѣ. А мѣсто-то еще веселѣе здѣшняго. Вотъ тебѣ, Михайлычъ,—обратился онъ ко мнѣ,—и поселиться тамъ бы на лѣто-то, да не одному, а съ батюшкомъ бы отцомъ Маркелломъ! Ахъ, сколь бы хорошо. И я бы къ вамъ похаживать.

И Афанасій Авдѣичъ даже зажмурилъ глаза.

Отецъ Маркеллъ добродушно разсмѣялся, слушая эти проекты.

— Хорошо вы, милые мои, разсуждаете,—сказалъ онъ,—да только, вотъ, отецъ-то Маркеллъ, пожулуй, не дождется васъ, да. Бойкій, вѣдь, я: къ

лѣту-то, пожалуй, и подальше Валентинина-то скита попаду.

— На все Божья воля,—отвѣтила мать Зиновія.

И, какъ слабое эхо, повторила слѣпая Еликонида, покачивая головой:

— Божья воля, Божья воля!

Я рѣшилъ сейчасъ же осмотрѣть покинутый скит и спросилъ дорогу къ нему.

— Отъ колодчика-то направо поверни, по тропкѣ,—разсказала мнѣ мать Зиновія,—а тамъ ужъ прямо на него и попадешь.

— Да недолго ходи,—крикнулъ мнѣ въ догонку Афанасій Авдѣичъ.—Поторапливаться демой-то надо,

Снѣгъ пересталъ и легкій западный вѣтеръ медленно гналъ тяжелыя, разорванныя облака. Въ прорывахъ между ними кое-гдѣ проглядывали кусочки голубого неба.

Вотъ и скить.

Весь занесенный снѣгомъ, онъ стоялъ на небольшомъ пригоркѣ, окруженный съ трехъ сторонъ дремучимъ лѣсомъ, такимъ же печально-молчаливымъ, какъ и самый скить. Ни звука, ни движенія.

Съ четвертой стороны открывалась, уходя отъ пригорка, широкая долина и обрывалась у лѣсистаго подножья величавыхъ Бѣлыхъ горъ, которыя были отсюда, вѣроятно, не дальше двухъ верстѣ.

Лѣтомъ здѣсь должно быть восхитительно. Особенно хороша эта широкая безлѣсная долина съ видомъ на бѣлыя горы. И я подумалъ о томъ, какъ хорошо будетъ жить здѣсь въ лѣсной тиши, среди могучей, неприкрашенной, неискалѣченной природы.

Съ трудомъ пробравшись черезъ глубокій, рыхлый снѣгъ къ строенію, я вошелъ внутрь.

То же устройство, что и въ скиту матери Зиновіи. Сначала кухня, съ большой пекарной печью, а затѣмъ „горница“, съ очагомъ. Все, повидимому, оставалось, какъ было, за исключеніемъ иконъ и обстановки. Ничего не поломано, не разбито, но тѣмъ не менѣе всюду видѣлась неуловимая печать разрушенія и смерти, какъ это всегда бываетъ въ покинутомъ жильѣ. Холодомъ могилы вѣяло отъ всего.

Но это ничего. Придетъ горячее лѣто и оживить, разукрасить забытый, печальный уголокъ. Зацвѣтутъ и заглушатъ запахъ тлѣнія тѣ молоденькія липки, которыя прислонили сейчасъ къ окнамъ свои голыя коричневыя вѣточки.

Нѣтъ, здѣсь будетъ хорошо.

И подтвержденіе этому я нашелъ въ прибитой надъ входными дверями бумажкѣ, съ написанными на ней по славянски трогательными стихами:

„Прекрасная мати пустыня,

„Любезная моя дружина!

„Пришелъ я къ тебѣ соглядати,

„Потщися мя воспріяти,

„И буди ми, яко мати.

„Отъ смутнаго міра пріими мя,

„Со усердіемъ въ тя убѣгаю“.

Да, дѣйствительно, „прекрасная мати пустыня!“ . О, какъ хорошо будетъ жить здѣсь, свободному отъ городскихъ условностей и тяжелыхъ узъ культуры!

Но пора вернуться. Афанасій Авдѣичъ, вѣроятно, уже ждетъ и волнуется. И я пошелъ обратно.

— Ну, что? поглянулось?— встрѣтила меня мать Зиновія.

— Очень,— отвѣтилъ я.

— То-то и есть.

Афанасій Авдѣичъ былъ уже совсѣмъ готовъ и торопилъ меня.

— Давай собирайся скорѣй, да пойдемъ,— сказалъ онъ.— Время-то ужъ не мало.

— Одиннадцать,— посмотрѣлъ я на часы.

— Ну видишь, вотъ.

Я съ сожалѣніемъ вздохнулъ и сталъ собираться. А когда подошелъ проститься съ матерью Зиновіей, то опять нарушилъ скитскій этикетъ. Мать Зиновія не приняла моей протянутой руки и сказала:

— Нѣтъ, родимый мой, руки я никому не подаю.

И на мой смущенный поклонъ отвѣтила низкимъ и степеннымъ поклономъ.

— Прощай, отецъ Маркеллъ! Прощай, матушка Еликонида! Очень радъ, что познакомился съ вами!

— Прощай, батюшко,— откликнулась Еликонида.
— Спаси тебя Христось: больно уважилъ ты меня, почиталъ намъ вчера.

— Прощай, голушокъ!

Отецъ Маркеллъ съ матерью Зиновіей вышли насъ провожать и, стоя рядомъ у входа во дворъ, смотрѣли намъ вслѣдъ.

Но вотъ, крутой поворотъ тропы скрылъ отъ насъ и скитъ и его обитателей.

Прощай, сказка!

Л. Кантерева.

Екатеринбургъ, Мартъ 1918.

60 к

Цѣна 2 р. 60 к.